

РЕЙВЕН КЕННЕДИ

УЗЫ
КУПЦІДОНА

18+

Рейвен Кеннеди

Узы купидона

Серия «Freedom. Дела амуров.
Бестселлер Рейвен Кеннеди»
Серия «Дела амуров», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69432967
Узы купидона / Рейвен Кеннеди: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-189299-9

Аннотация

Заметка на будущее: в следующий раз, когда я привяжусь к кому-то, не забыть убедиться, что этим людям не грозит смертельная опасность.

Да. Снова полный отстой...

Моим любимым парням предстоят королевские состязания. Я буду наблюдать за ними, но должна оставаться незаметной. Иначе принц посадит меня в тюрьму и подвергнет пыткам.

Но мы справимся, я уверена. По крайней мере процентов на семьдесят. Ладно, на пятьдесят. О'кей, а что потом-то? – спросите вы. Ну-у-у, список дел у меня длинный. На первом месте – убедить парней, что они принадлежат только мне. Затем попробовать вино фейри. А еще наслаждение. Море наслаждения.

А знаете, чего я хочу больше всего? Как и раньше – найти свою настоящую любовь. Ставлю сердечко, что план отличный!

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	24
Глава 3	33
Глава 4	41
Глава 5	50
Глава 6	64
Глава 7	70
Глава 8	83
Глава 9	91
Глава 10	102
Глава 11	111
Глава 12	127
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Рейвен Кеннеди

Узы купидона

© Панкеева Е.И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ РЕЙВЕН КЕННЕДИ:

СЕРИЯ «ЗОЛОТАЯ ПЛЕННИЦА»:

«БЛЕСК»

«БЛИК»

«ИСКРА»

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

СЕРИЯ «ДЕЛА АМУРОВ»:

«ЗНАК КУПИДОНА»

«УЗЫ КУПИДОНА»

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

УЗЫ КУПИДОНА

РЕЙВЕН КЕННЕДИ

Freedom

Москва

2023

*Всем людям, чьи Купидоны постоянно
ошибаются... и тем, для кого они все сделали
правильно.*

Глава 1

На меня все смотрят. *Но не потому, что я выгляжу чертовски сексуально.* Даже не из любопытства, и вовсе не потому, что им *интересно, можно ли со мной весело провести время.*

Если что, со *мной* очень весело. Спросите любого.

Или, вообще-то, спросите тех единственных троих, которые меня знают. Трех невероятно горячих генфинов, которые сейчас заключены в темнице.

Ладно, хорошо. Вам стоит спросить только двух из них. Не думаю, что Ронак бы ответил положительно. В основном потому, что Ронак и веселье – понятия диаметрально противоположные.

Но Эверт и Силред точно считают меня веселой. Обычно. Наверное. По крайней мере в половине случаев.

Но вернемся к десяткам фейри, которые сейчас на меня пялятся. Я стараюсь не обращать на них внимания, шагая по городской площади с высоко поднятой головой. Мои розовые волосы спускаются до талии, и мне не стоило заправлять их за уши, ведь их кончики обычные, человеческие, а не заостренные, как у фейри.

Кожа у меня не пастельного оттенка, как у высших фейри, да и ростом я не вышла. Фейри не знают, кто я. Я не похожа ни на один их вид.

Какой-то феэри, черт знает какой, пытается преградить мне путь. Он (или она?) возвышается надо мной, словно дерево. Его рост больше, чем у высших феэри. У него блестящая, медная кожа, руки и ноги покрыты мехом, а зубы напоминают железные шипы. Очень привлекательно.

– Кто *ты*?

Пф. Похоже, ко мне прислали переговорщика.

– Эмили, приятно познакомиться, – отвечаю я, протягивая руку.

Переговорщик такой высоченный, что мне приходится задрать ее так, словно я хочу отбить ему пятюню. А вот он мне в ответ руки не протягивает. И я опускаю свою, как последняя неудачница.

Неловко.

– Эмили? – переспрашивает он, хмурясь, и его медная кожа собирается морщинами. – Никогда не слышал о феэри эмили. У тебя что, кровь смешанная, как у безродной дворняжки?

– Эй, почему ты так меня называешь? Это у тебя мех, приятель.

Я слышу чей-то вздох и, оглядевшись, понимаю, что вокруг собралась зевака. Оказывается, целая толпа наблюдает за нашей беседой. Им всем интересно, что я отвечу.

От чего, честно говоря, мне немного обидно. Я выгляжу не настолько странно, как некоторые из них. Вон у того парня нос похож на губку. Ноздри все в дырках и вряд ли чи-

стые.

Фейри с медным мехом сердится из-за того, что я назвала его псом. Он выпрямляется во весь рост и скрещивает руки на груди. И у него их четыре.

Мое раздражение тут же сдувается как шарик, и я принимаюсь рассматривать его конечности.

– Боже, четыре руки! – восклицаю я. – Тебе, должно быть, невероятно удобно. Хотела бы я иметь четыре руки. Например, если я буду что-то нести, и вдруг зачесется кожа, – говорю я, указывая на правую руку.

На тот самый участок кожи, который зудел больше пятидесяти лет, ведь у меня не было настоящего тела, и я не могла почесаться. Можете представить, что вас преследует непрекращающийся ни на мгновение зуд в течение пятидесяти лет? Да, настоящая пытка.

– То есть вот я несу что-то, да? Обе руки заняты, так что я никак не могу почесаться. Ужасно неудобно. А у тебя рука всегда... под рукой. Настоящий каламбур. Уверена, что ты можешь нести что-то в руках и чесаться, да? Правда здорово. Seriously, тебе повезло, поздравляю.

Он лупает на меня глазами.

На меня часто так реагируют. Я просто фонтанирую словами. Это хроническое.

Я обхожу его.

– Ладно, удачного дня тебе и твоим рукам.

Не успеваю я сделать и двух шагов, как передо мной по-

является еще один фейри, и он выглядит так, будто наполовину является осьминогом. У него *восемь* рук. Серьезно, они издеваются.

– Что ты за фейри? – спрашивает он.

Я все еще пытаюсь игнорировать этот вопрос, но понимаю, что рано или поздно придется на него ответить. Внешне я отличаюсь от всех фейри, которых они когда-либо видели в своей жизни, и все потому, что я не фейри. Мне вообще не место в их мире. Я Купидон. О, я ведь хотела внимания? Вот оно.

Мои крылья сейчас скрыты от посторонних глаз, и слава богам, потому что, если я их выпущу, моя песенка спета. Ведь мои крылья совершенно не похожи на крылья других фейри. Они ярко-красные, покрыты перьями и, если позволите, очень красивые.

Я не могу выставлять их на всеобщее обозрение. Ведь меня разыскивает принц Эльфар, а за мою голову назначена награда. По крыльям меня наверняка кто-нибудь узнает. Если я и дальше буду привлекать к себе ненужное внимание, то дворцовая стража поймает меня и без этой особой приметы. Мне нужно ответить хоть что-то, поэтому я лгу.

Я нервно прочищаю горло, бросая взгляд на собравшихся вокруг фейри.

– Я наполовину высшая фейри, – говорю я, указывая на свои пастельно-розовые волосы, которые несомненно являются особой видовой чертой.

– Наполовину высшая фе́йри? – с сомнением переспрашивает восьмирукий. – Никогда не слышал, что у высших фе́йри бывают дети от других видов. Они слишком себя ценят, чтобы снизойти до нас, других фе́йри, – презрительно говорит он и оглядывает толпу, которая шумит в знак согласия. – Кто второй родитель?

Я слегка кашляю и отвечаю:

– Человек, – и пытаюсь обойти и его.

Но, конечно, толпа не дает мне этого сделать, и я оказываюсь зажата между любопытными фе́йри.

– Что она сказала?

– Что она полугоблин?

– Думаю, она сказала «уака».

– Она не может быть уакой. Кожа-то не каменная.

Толпа продолжает сотрясать воздух предположениями, пока я наконец не хлопаю в ладоши, привлекая их внимание.

– Я наполовину человек, понятно? – кричу я.

Десятки фе́йри тут же замолкают и с недоверием на меня смотрят. Да, люди здесь встречаются редко. И, судя по презрительным усмешкам, их не особо жалуют.

Воспользовавшись всеобщим изумлением, я пригибаюсь и пробираюсь под руками фе́йри, умудряясь вырваться из окружившей меня толпы. Я точно не хочу знать, как они отреагируют, если узнают, кто я такая на самом деле. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Внимание мне ни к чему, но сшитый вручную меховой на-

ряд, в который я одета, мешает слиться с толпой. Большинство фейри, живущих здесь, на Королевском острове, очень богаты, носят дорогие ткани и всегда одеваются по высшему разряду. Звериный мех, от которого тянет псиной, не совсем в тренде.

Я распускаю волосы, чтобы прикрыть незаостренные уши, и стараюсь ни с кем не встречаться взглядом. Я смотрю вниз и вспоминаю, что обуви у меня тоже нет. Да, наверное, стоило подготовиться получше.

Поднимаю колчан за спиной и слышу успокаивающий перезвон стрел. Не снаряжение Купидона, конечно, но все равно приятно иметь под рукой хоть какое-то оружие. Я потеряла свой колчан, когда принц фейри ударил меня магией во дворце. Кто знает, что этот придурок с ним сделал. Сейчас я с удовольствием пустила бы в него стрелу, вот только не Любви.

И да, я чертовски хороша в стрельбе из лука. В конце концов, я же Купидон. Это вроде как моя фишка.

Когда парней забрали с острова Изгнания и отправили сюда, я полетела за ними на безопасном расстоянии. Мне нельзя находиться далеко от них, иначе меня начнет тошнить и тело вновь станет невидимым.

Они – мои якоря в физическом мире, хотя и не знают об этом. У них и без этого хватает забот с Королевским отбором. Я не могу вывалить на них еще и тот факт, что моя жизнь зависит от них.

Мне всего лишь нужно найти другой способ удержаться в материальном мире, до того как случится нечто плохое. Какой-нибудь способ.

Я видела, как моих парней провели за каменную стену, окружающую замок, а затем сопроводили в тюремные башни. Башни мне отсюда видны. Они недалеко.

Мне просто нужно понять, как проникнуть за стену или хотя бы увидеть, куда их переводят. Но я не смогу незаметно найти парней, если феири постоянно будут путаться у меня под ногами.

Я не успеваю далеко отойти. Крики и вопли преследуют меня, и вот я снова окружена назойливой толпой.

Я разочарованно вздыхаю и оглядываюсь. Меня все обсуждают. Слишком много глаз обращено ко мне. Мне не нравится, когда меня загоняют в угол. А еще мне не нравится, когда на меня смотрят так, будто вот-вот закидают помидорами.

Заметка для себя: я слишком долго была невидимкой и не буду терпеть подобное. Я Купидон, хоть и не профессиональный, и знаю, как работать с толпой. Улыбка кривит мои губы.

– Хотите шоу? Давайте его устроим.

Я делаю глубокий вдох, а затем одариваю их всех огромным облаком розового Дыхания Страсти.

Мне требуется несколько выдохов, чтобы досталось каждому, но дело сделано. Глаза феири затмевает жгучее желание, и все они принимаются озираться в поисках подходя-

щего партнера.

Парочка из них проявляет интерес и ко мне, но я перенаправляю их любовное внимание на других. От произошедшей в толпе перемены мне почти смешно. Теперь, раз они сосредоточены не на мне, я хожу вокруг и касаюсь Флиртом всех, кому нужен дополнительный толчок.

Кажется, сработало. К тому моменту, когда я делаю полный круг, про меня уже все забыли. Дамы хихикают, мужчины к ним клеятся, языки сплетаются, руки ласкают тела, а несколько групп, не теряя времени даром, приступают к делу прямо посреди улицы.

Хм.

В мире фейри оргии начинать *гораздо* проще, чем у людей.

Я чуть не спотыкаюсь о лежащую на земле парочку. Девушка, оседлав парня и разорвав на нем рубашку, прижимается грудью к его голому торсу. Улыбаясь про себя, я оттряхиваю руки. Вот это я называю контроль над толпой.

Я пробираюсь мимо фейри, минуя устроенный мной же хаос. Надеюсь, они ненадолго отвлекутся и не вспомнят обо мне, когда страсть схлынет. Я дохожу до рыночных прилавков, народ там слишком занят куплей-продажей, чтобы обращать на меня внимание.

Я иду и иду, пока сцена страсти, мной же и устроенная, не остается далеко позади. Возможно, на этот раз я избавилась от внимания, но долго это не продлится, да и не мо-

гу же я постоянно использовать силы Купидона и устраивать на улицах оргии. Фейри, может, и сексуально раскрепощенные, но рано или поздно они заметят, что что-то не так. Поэтому мне важно слиться с толпой.

Я брожу вдоль прилавков до тех пор, пока не нахожу идеальный вариант. Продающий одежду мужчина. Я проскальзываю внутрь торговой палатки и осматриваюсь. Повсюду здесь модные ткани и обувь, а также несколько зеркал в полный рост.

– Добрый день.

Я оборачиваюсь и смотрю на поприветствовавшего меня фейри. Он одет в шелковую тунику и шляпу, у него ярко-синие крылья. Пикси.

Он худ и лишь немногим выше меня, у него острые уши, подбородок и нос, и, слава богам, он не выглядит опасным. Чтобы мой план сработал, мне нужно его соблазнить. Будем надеяться, что я ему понравлюсь. Пора включить обаяние.

– Приветик, – игриво улыбаюсь я. – О, мне так нравится цвет вашей рубашки, – говорю я, осторожно проводя пальцем по его груди, пока Прикосновение Флирта проникает под кожу.

Чары выходят серебристой струйкой. Пикси ничего не замечает – он слишком увлечен мной.

Он краснеет и прочищает горло, а затем смотрит на мой палец, и я, пользуясь случаем, тотчас выдыхаю струйку Страсти. Розовый цвет быстро рассеивается, пикси не успевает

его заметить. Он лишь медленно вдыхает, а после поднимает на меня большие глаза. Он снова смотрит на мое лицо, и его взгляд затуманен желанием. Бинго.

Я убираю палец с груди феяри и наматываю на него прядь своих розовых волос.

– Мне так нравятся эти шелка, – признаюсь я, оглядывая палатку. – Как вы думаете, какой из этих цветов был бы мне к лицу?

Я поворачиваюсь вокруг своей оси, позволяя разглядеть изгибы тела. меховой наряд оставляет мало пространства для фантазии. Хорошо видно живот, грудь приподнята, юбка довольно короткая. Пикси замечает все.

Он кашляет и улыбается.

– Уверю вас, вам подойдет любой цвет. Позвольте мне подобрать вам наряд, и вы сможете убедиться в этом сами.

Я кладу руку на грудь, чтобы привлечь его взгляд к декольте.

– О, я не могу. Я просто смотрю, потому что мама не разрешает ничего покупать. Говорит, я не заслуживаю таких красивых вещей, – с грустным вздохом поясню я, с тоской глядя на платье.

Мужчина хмурится.

– Глупости. Столь уникальная драгоценность, как вы, заслуживает соответствующую оправу.

– Если я что-нибудь куплю, мама непременно меня накажет.

Он делает шаг вперед и кладет руку на мое обнаженное плечо.

– Тогда это будет подарок.

Я трепещу ресницами и застенчиво улыбаюсь.

– Подарок? Вы слишком добры. Я не могу его принять.

– А я не приму отказа.

Я улыбаюсь. Способности Купидона потрясающие. Хорошо, что ему не нравятся парни или только определенный тип фейри, иначе все могло бы пойти совсем по-другому. Люди, на которых я использую магию, должны иметь предрасположенность, тогда мои силы дадут необходимый толчок.

– Ну, если вы настаиваете...

– Я настаиваю, – заверяет он, поворачиваясь. – И я лучший в своем деле. Я даже знаю ваш размер. Идите вон за ту занавеску, и я принесу вам наряды.

– Самый классный день в моей жизни за последние сто лет! – говорю я, проскальзывая в примерочную.

Я аккуратно откладываю колчан и лук, а затем раздеваюсь. Надеваю одежду, которую передает продавец. Сначала корсет со шнуровкой спереди и шелковые трусики.

Они нежно-розового цвета и подходят к моим волосам. Далее – бледно-фиолетовое платье. Сверху оно обтягивает тело словно вторая кожа, но расходится у бедер и падает мягкими складками на пол.

Я выхожу из примерочной и кручусь, позволяя пикси меня осмотреть. Он оглядывает меня с ног до головы, как будто

видит даже нижнее белье, которое сам и выбрал.

– Прекрасно.

– Вы действительно лучший в своем деле, – мурлычу я.

Использую свои способности и одновременно тещу его эго. Я чувствую пульсацию и запах его желания, отчего едва не чихаю.

– У вас есть что-нибудь, куда я могла бы сложить старые вещи? – спрашиваю я, указывая на меха и лук со стрелами, лежащие на полу. К новому платью они не подходят.

– Хм, у меня есть как раз то, что нужно.

Он возвращается с коробкой в одной руке и сумкой на длинном ремешке в другой.

– Можете положить сюда, – говорит он, протягивая мне сумку.

Я запикиваю туда колчан и лук, а сверху кладу меховой наряд. Не могу оставить его тут. Сентиментальность и все такое. Я надеваю сумку через плечо и устраиваю ее на другом боку. Несмотря на неоднозначное содержимое, она очень удобная.

– Вот, – говорит пикси, протягивая мне коробку, которую все еще держит в руках. Я открываю ее и вижу пару прекрасных шелковых серебряных туфель. – Можно? – спрашивает он.

Я киваю, и тогда пикси опускается на колени и надевает мне туфли с такой нежностью, словно я чертова Золушка. Он очень мил, и мне почти стыдно за то, что я использовала

на нем чары. Когда у меня появятся деньги, я вернусь и за все заплачу.

– Вот так, – говорит пикси, выпрямляясь. – Теперь идеально.

Я лучезарно ему улыбаюсь через зеркало. Теперь я гораздо больше похожа на феяри. Если никто не будет обращать внимания на мелкие детали, я смогу ходить по улицам, не сильно выделяясь. Всеобщее внимание привлекала меховая одежда, и только потом их взгляд цеплялся за остальные черты. Я не совершу прежней ошибки, выставив уши напоказ.

– Спасибо! – восклицаю я, целуя его в щеку. Пикси становится красным почти как помидор.

– О! Мама зовет, – говорю я, делая вид, будто что-то слышу.

На лице пикси отражается беспокойство.

– Могу ли я увидеть вас еще раз?

– Не знаю, – говорю я, торопясь к выходу. – Мама очень строга. Но если мне удастся ускользнуть, я постараюсь разыскать вас вечером, пока вы еще открыты! – его глаза загораются надеждой, и я чувствую вину. Бедный парень. Надеюсь, он не будет ждать меня вечно. – Еще раз спасибо! – говорю я и машу рукой на прощание, прежде чем выйти из палатки.

Я оказываюсь на улице и вскоре теряюсь в толпе. На этот раз никто на меня не смотрит, и мне немного легче дышать.

Фух. Теперь мне лишь нужно добраться до башни, где находятся генфины, и остаться незамеченной дворцовой стражей.

Вопрос, как это сделать.

Глава 2

Башня находится внутри крепостных стен замка, а на стенах стоят устрашающие воины фейри в полном вооружении. Все это время я была рядом с башней, но из-за этой чертовой стены не могу попасть внутрь.

Я стою в тени у основания каменной стены, наблюдая, как стражи совершают обход. Они держат руки на рукоятках мечей, словно готовы в любой момент отрубить чью-то голову.

Ночь наступила несколько часов назад, но я все еще пытаюсь найти способ попасть в крепость. Войти могут лишь единицы, и сначала их обыскивают и проверяют, так что для меня этот путь заказан.

Я могла бы соблазнить кого-нибудь из стражей, но, учитывая, насколько они серьезно настроены и держатся настороже, весьма сомнительно, что их разум и тела поддадутся желанию. Они безукоризненно несут службу, да и мне не хватает храбрости воспользоваться этим вариантом.

Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на спрятанных крыльях. Сильным толчком я высвобождаю их. От боли перехватывает дыхание, но она почти мгновенно исчезает.

Вновь чувствуя крылья за спиной, я расправляю их и топорщу перья, чтобы убраться залома. Поглаживаю края и радуюсь, что крылышки снова на месте, пусть они тяжелые

и громоздкие. Просто с ними я чувствую себя собой. Направляясь к другому концу стены, идут два стража. Я с прыжком взлетаю в воздух.

Крылья хлопают почти бесшумно, и я набираю высоту. Чтобы остаться незамеченной, мне нужно высоко подняться. Я не имею ни малейшего представления, насколько хорошо высшие фейри видят в темноте, и не хочу попасться.

Впереди виднеются очертания тюремных башен. Их четыре, они одинаковой высоты, с устрашающими шипами на крышах и еще большим количеством шипов на земле на случай, если кто-то попытается взобраться на стену. Между смертоносными остриями в назидание смельчакам валяются кости.

Не самая приятная картина.

В тюремных башнях нет окон, и, облетев каждую, я понимаю, что и двери отсутствуют.

– Лучше и быть не могло, – бормочу я.

Я осматриваюсь по сторонам и перелетаю ко второй башне. Здесь держат моих парней, я знаю это наверняка. Чувствую. Теперь, когда я рядом, то, что заякорило меня на парней, тянется к ним, дергаясь в животе.

Я летаю вокруг башни, пытаюсь заметить вход, слабое место или хотя бы уступ, чтобы приземлиться, но ничего не нахожу, а шипы слишком острые. Скоро по стене пройдут стражи, так что мне нужно поторопиться.

Нехотя я возвращаюсь за стену и опускаюсь на землю. Я

не могу рисковать, оставаясь в крепостных стенах, – меня легко поймают. Приходится втянуть крылья. Я прислоняюсь к стене. Прикусив губу, я пытаюсь придумать, что делать дальше.

Проблема в том, что я понятия не имею. Либо дверь в башню скрыта магией, либо вход находится под землей. Ни там ни там не удастся пробиться.

– Черт, – шепчу я про себя.

– Объяснитесь!

Резко обернувшись, я взвизгиваю. Совершенно не представляю, как ко мне подобрался страж, и он смотрит на меня с подозрительной ухмылкой.

Я пытаюсь улыбнуться, но получается скорее гримаса.

– М-м, приятная ночка.

– Что?

– Что? – повторяю я.

Страж хмурится.

– У дворцовых стен запрещено праздношатание. Уходите или я заставлю вас.

Я согласно киваю.

– Да, конечно. Без проблем, господин страж, сэра. – Я начинаю отступать.

Прежде чем я успеваю повернуться, он прищуривается.

– Подождите.

Я замираю и стараюсь не показать, насколько напугана, но не думаю, что у меня получается.

Веди себя спокойно, Эмили. Просто, черт возьми, веди себя спокойно.

Страж подходит ко мне, и мои руки начинают дрожать, да и дышу я, должна признать, как-то странно. Черт. Нужно научиться «вести себя спокойно» в подобных ситуациях.

– Чем могу помочь? – спрашиваю я, надеюсь, сладким невинным голосом.

Жуткие глаза стража осматривают меня с ног до головы.

– К какому виду фейри вы относитесь?

– Ну, знаете, немного от тех, немного от этих. У меня смешанная кровь. И у отца, и у мамы, черт, даже у бабушки и дедушки. По материнской и отцовской линии. Все мы смешанные. Если бы вы только видели нас на праздниках. Выглядим необычно. Никто ни на кого не похож. Вполне понятно, почему некоторые, начав встречаться, вдруг обнаруживают, что являются дальними родственниками. Им ни за что не догадаться, что они родня. Не стоит их винить. Наше семейное древо ужасно запутанное.

– ...

Я снова улыбаюсь, наблюдая, как страж пытается осознать произнесенную мной бессмыслицу.

На это требуется время.

Похоже, он тут не самый умный страж.

– Мы с вами тоже можем оказаться дальними братом и сестрой или что-то такое. Из-за этого я боюсь с кем-то целоваться, понимаете? Я пыталась объяснить бабушке и де-

душкам, что они должны делать нам какие-нибудь татуировки, чтобы можно было быстро узнать друг друга. Думаю, что идея хорошая, но кузен Брю отказывается. Конечно, так и должно быть, ведь он женился на нашей троюродной сестре. Он болезненно реагирует на такие разговоры. Не может же он развестись с ней.

Я понимаю, что терпение стража иссякло. Надеюсь, что моя болтовня его утомила, и он...

– Уходи отсюда.

Я улыбаюсь и киваю.

– Да, сэр. Хорошей вам ночной службы. Я обязательно разыщу вас на следующем семейном сборище!

Фух. Чуть не попалась.

Я поворачиваюсь и практически бегу в сторону городской площади. Там сейчас тихо и никого нет. Только уличные фонари освещают путь. Глубокая боль в животе усиливается с каждым шагом в другую сторону от моих парней.

Когда я оказываюсь достаточно далеко от стены, бросаю осторожный взгляд на стену и вижу, что страж возвращается на свой пост у ворот. Я вздыхаю с облегчением и опускаюсь на землю за магазином, стараясь держаться к парням так близко, насколько хватает смелости.

Я сжимаю руки вокруг живота, пытаюсь унять боль, но это особо не помогает. Мне могут помочь только парни, а поскольку они сейчас в тюрьме и у меня нет возможности быть рядом с ними, то избавиться от боли в ближайшее время

не получится.

Не знаю, как так вышло, но, видимо, я заснула, потому что я просыпаюсь от громкого крика и понимаю, что уже утро.

– Что...

– О, гляньте-ка, очнулась. Маленькая бродяжка!

Я в ужасе смотрю на хмурую феяри, которая склонилась надо мной, положив руки на бедра. Она из высших феяри, у нее бледно-оранжевая кожа и кошачьи глаза.

Я поднимаю на нее взгляд, и моя шея хрустит так, что отдается болью вдоль позвоночника. Ай. Вот и расплата за ночь, проведенную у каменного строения.

– Не сиди здесь со слюной на подбородке, – ругается феяри. – Убирайся подальше от моего магазина!

Я неловко встаю на ноги, сумка шлепает по спине. Ноги покалывает – медленно возвращается кровообращение.

– Извините, – бормочу я.

– Извините? *Извините?*

Ее голос переходит на фальцет. Интересно, как бы она звучала, зажми нос рукой. Она замечает, что я смотрю на ее нос, и застенчиво вытирает его. Я сдерживаю улыбку.

– У меня уважаемый бизнес. Я обслуживаю самых влиятельных и именитых феяри. Здесь совершенно не место для бродяг. Я не знаю, откуда ты, – говорит она, с презрением оглядывая меня с ног до головы. – Но здесь, на Королевском острове, феяри ведут себя достойно. И здесь не бывает феяри, живущих на улицах подобно грызунам.

Ну и дела, леди. Она ведет себя так, будто я харкнула ей на окно. Неужели девушка не может вздремнуть? Я открываю рот, чтобы ответить, но тут из-за угла появляется небольшая свита.

Как только я вижу двух дворцовых стражей, сердце начинает бешено колотиться. Затем мой взгляд останавливается на идущем впереди человеке, и сердце, едва не замерев навсегда, ухает прямо в пятки. *О-о-о.*

– Ганкоуп? Мне показалось, что я слышала твой голос.

Я не могу сдержаться. Хмыкаю. Фейри зовут Ганкоуп. Неудивительно, что ее выводит из себя любая мелочь. Ганкоуп оборачивается и выдает самую фальшивую улыбку, которую я когда-либо видела в своей жизни. Она опускается в реверансе так низко, что вот-вот поцелует землю.

– Ваше Высочество! Прошу прощения. Я как раз собиралась открыть для вас магазин. Не обращайтесь внимания на эту бродяжку. Она больше здесь не появится.

Если бы я не была так напугана, то закатила бы глаза.

Принцесса Сура смотрит прямо на меня. Ее лавандовые волосы перехвачены лентами, а платье выглядит мягче шелка. Но я вижу только спрятанные за маской королевского достоинства глаза, из которых текли ручьями слезы – так больно ей было из-за предательства принца.

– Понимаю.

Правда? Я искренне надеюсь, что нет. Может, принцесса и пропустила меня, когда я убежала от принца Эльфара,

но кто знает, как она относится ко мне сейчас.

Пожалуйста, не узнавайте меня.

Принцесса смотрит меня с мгновение, но тут невольно на помощь приходит Ганкоуп:

– Ваше Высочество, почему бы вам не зайти ко мне, и я покажу все имеющиеся новинки. Думаю, вам понравятся духи с ароматом лунного цветка.

Взгляд принцессы перемещается на владелицу магазина.

– Прекрасная идея, Ганкоуп.

Без лишних слов и повторных взглядов принцесса со свитой уходит в заднюю часть здания, забыв про меня.

Слава богам.

Я с облегчением прислоняюсь к стене и пытаюсь унять бешено колотящееся сердце, но тут фиолетовая ладошка хватается меня за руку. Лицо принцессы внезапно оказывается перед моим, нас разделяет всего пара дюймов.

– Я помню тебя.

Во рту пересыхает, и я не смею ни двигаться, ни говорить.

Позади нее раздается голос стража:

– Принцесса?

– Я только что заметила, что уронила платок, – отвечает она.

– Я поищу его, Ваше Высочество.

Она выпрямляется, все еще не отпуская моей руки, и смотрит за угол на стража.

– Не нужно. Кажется, уже нашла. Видимо, он выпал.

Принцесса оттаскивает меня от стены к другой стороне здания, где нас не будет видно.

– Не знаю, зачем ты вернулась, но здесь небезопасно. Ты должна уйти, – торопливо говорит она. Должно быть, по мне видно, насколько я ошарашена, и она вздыхает. – Я тебе не враг, но принц – да. Ты же *не* хочешь, чтобы он нашел тебя. Уходи.

– Я не могу.

– Принцесса? – снова зовет страж.

– Нашла! Уже иду, – отвечает она, доставая из кармана платок и сжимая его в ладони. Она оглядывается на меня и понижает голос до шепота: – Если ты не можешь уйти, то должна спрятаться. Ты слишком близко подошла к дворцу.

– Я не могу уйти, – я непреклонна.

Я слышу шаги стражей, и принцесса Сура смотрит на меня с отчаянием.

– Полночь. Жди у западной стены замка. – Без лишних слов она разворачивается и уходит. – Какая нелепица. Постоянно его теряю, – говорит она стражу, и их шаги удаляются.

Я делаю долгий вдох и медленно выдыхаю. Я не знаю, что делать. Могу ли я доверять принцессе Суре?

Интуитивно я чувствую, что могу, но еще я думаю, что было бы здорово вылакать весь самогон Эверта. Последняя мысль появляется явно не из благоразумия.

Глава 3

Для принятия решения у меня есть время до полуночи. Мне не стоит ошиваться в магазине мадам Ганки, она точно выставит меня отсюда.

Я медленно бреду к стенам замка, чтобы находиться рядом с парнями, и стараюсь не походить на бродяжку. Не хочу, чтобы меня заметили другие стражи. Но далеко уйти тоже нельзя. Я не думаю, что смогу вернуться в физический мир, если мое тело вновь станет невидимым.

Я *не* хочу опять застрять в Завесе невидимым Купидоном. Лишь от одной мысли об этом внутри все скручивается тревожным одиночеством.

Я прохожу мимо магазинов, не выпуская стен замка из виду. Днем стражей столько же, сколько и ночью. После ночи на улице мое платье помялось и испачкалось грязью. Я одета явно не для жизни на улице.

Я двигаюсь параллельно стене, прохожу мимо городской площади и рынка, а затем оказываюсь в жилом районе. Здесь только особняки с высокими воротами и искусными лужайками.

Заметив на тротуаре скамейку, я присаживаюсь, чтобы передохнуть – ноги ужасно ноют. Шлейф платья почти весь в грязи. Конец обтрепался, а цвет из фиолетового стал коричневым. Туфельки выглядят не лучше.

Я провожу на скамейке весь день и гляжу на проходящих мимо людей. Большинство из них не обращают на меня никакого внимания. К вечеру меня начинает мучить голод.

Я не ела с тех самых пор, как вместе с парнями покинула остров Изгнания. Будучи бесплотным Купидоном, я не ела больше пятидесяти лет, и поэтому не люблю пропускать приемы пищи.

Под покровом ночи я пробираюсь к западной стене, окружающей замок. По запаху навоза и сена я понимаю, что по ту сторону находятся дворцовые конюшни.

А здесь, недалеко от проторенной дорожки, расположен небольшой лесной массив. Стражи ходят только по стене, поэтому я подбираю время и подхожу ближе незамеченной.

Я сажусь на траву и жду. И жду. И жду еще. Я хочу есть, живот сводит болью от разлуки с якорями, и в голове роятся всевозможные варианты провала. Наконец, когда на небе появляется огромная и яркая луна, я слышу шорох и вскакиваю на ноги.

Впереди, примерно в тридцати футах, отходит часть стены и со скрипом открывается потайная дверь. Я стискиваю край платья на случай, если потребуется задрать подол и бежать. Но это лишь принцесса Сура с фонарем в руках.

– Поторопись.

Оглянувшись и убедившись, что нас никто не видит, я следую за ней в логово льва. Я прохожу через дверь и вижу пожилую фею. Судя по ее тугим каштановым кудрям, она

брауни. У нее даже брови кучерявятся.

А еще она крохотная. Ростом всего около четырех футов, а на руках у нее мозоли от многочасовой уборки. Ее вид таким образом черпает силу. Фейри закрывает каменную дверь, берет у принцессы фонарь и ведет нас вперед.

Я следую за ними: мы проходим через узкий подвал, заставленный пыльными ящиками. Открыв люк, мы поднимаемся по короткой лестнице и оказываемся внутри дворцовых конюшен. Проходим мимо десятков спящих лошадей, минуем денники и беговой круг и входим в маленькую боковую дверь.

Мой желудок сводит от голода, когда мы оказываемся на дворцовой кухне. Здесь никого нет. На жарочных поверхностях не кипят котлы, но я чувствую запах остатков от ужина. Я оглядываюсь по сторонам в поисках объедков, но ничего нет. Проклятье.

Миновав кухню, женщины, по-прежнему молча, ведут меня по лестнице для прислуги, затем по простому коридору, а потом мы оказываемся в маленькой комнатке. Обставлена она просто, пол деревянный, стены каменные, но здесь чисто, и стоят аккуратно застеленная кровать и письменный стол.

Брауни закрывает за нами дверь, и все мы облегченно выдыхаем, потому что нам удалось добраться сюда, не попавшись.

– Полагаю, нам нужно как следует представиться. Я прин-

цесса Сура, а это моя служанка Дуру.

– Я Эмили.

– Приятно официально познакомиться с тобой, Эмили.

Я вижу, что Дуру, похоже, не разделяет чувств принцессы. Она смотрит на меня так, словно готова выцарапать глаза.

– Дуру, все в порядке, – говорит принцесса, заметив, какими взглядами мы обмениваемся.

– Она может оказаться врагом, принцесса. Вам не следовало приводить ее сюда. Что, если она притворяется? Что, если она использует вас и ведет свою игру?

– Я *никогда* не причиню вам зла и не предам, – сердечно заверяю я. – Вы меня не знаете, но клянусь: я ни за что намеренно не причиню вам боль.

Принцесса лишь кивает в ответ.

– Пока что ты останешься здесь. Эта комната предназначена для прислуги, в ящиках под кроватью ты найдешь униформу. Я назначила тебя своей горничной. Не волнуйся, тебе не придется быть среди людей, тем более рядом с принцем. Ты будешь следить за порядком в моих покоях, но Дуру будет помогать, – рассказывает она, жестом указывая на браунни. – А теперь, если позволишь, я наложу чары, сделав тебя похожей на высшую феяри.

– Эм-м...

Я знаю наверняка, что чары на меня не действуют, но ничего не говорю. Принцесса подходит ко мне и касается кожи. Я чувствую, как ее магия собирается вокруг меня, а затем

просто исчезает.

Принцесса хмурится.

– Странно. Чары на тебя не действуют? – Я пожимаю плечами. – Хм. Все сложнее, чем я думала.

Брауни склоняет голову в раздумье.

– У нее розовые волосы как у высших фейри. Кожа – нет, но мы можем ее подкрасить, принцесса. Намокнуть нельзя будет, но я уверена, что это сработает. Еще нужны каблуки. А уши спрячем, – говорит Дуру, обходя меня по кругу. – Если она останется здесь, то должна научиться сливаться с толпой. Я не хочу, чтобы ее присутствие обнаружилось и принесло вам проблемы, принцесса.

Принцесса Сура одаривает брауни доброй улыбкой.

– Спасибо, Дуру. Таких изменений должно быть достаточно, если Эмили не будет лезть на рожон. – Наклонив голову, принцесса бросает на меня оценивающий взгляд. – Я помню твои красные крылья.

– Да, они и сейчас есть. Просто спрятаны.

– Значит, ты можешь прятать их, как это делают высшие фейри? Хорошо.

Я озадаченно на нее смотрю.

– Почему вы помогаете мне?

Она обдумывает свой ответ какое-то время.

– Возможно, я ошибаюсь, но мне показалось, что ты напала на принца из-за меня.

– О, ну... так и было.

– Почему?

Я пожимаю плечами.

– Он мерзкий изменщик.

Губа принцессы Суры слегка дергается.

– Кто ты? Должно быть, ты очень могущественна, раз смогла прорваться через магические барьеры замка и осталась незамеченной. Ни одно существо не способно оставаться невидимым в этих стенах. Не говоря уже о магии, которой тебя ударил принц. Ты должна была погибнуть.

Принцесса смотрит на меня изучающе, и мне не по себе от ее пристального взгляда.

– Кто ты?

– Даже если я скажу, вы все равно не поверите.

Она пропускает мой ответ мимо ушей.

– Скажи, почему ты не можешь уйти отсюда? Ты что-то ищешь?

Я не знаю, стоит ли отвечать на этот вопрос, но раз я умолчала о купидонстве и Завесе, то хоть что-то рассказать я должна. Приведя меня в замок, принцесса подставила себя под удар. Правда – самое меньшее, чем я могу ей отплатить.

– Я хочу увидеть заключенных, которые будут участвовать в Королевском отборе.

На ее лице возникает удивление.

– И ты знаешь кого-то из пленников? Из тех, кто будет проходить отбор?

Я перевожу взгляд с нее на брауни и обратно.

– Можешь довериться Дуру, так же как и мне, – заверяет принцесса Сура. – Дуру родом не отсюда. Она была моей нянькой на моем родном острове. Она верна мне, а не принцу.

При упоминании принца Дуру фыркает.

– Я бы предпочла быть верной гадюке. Меньше шансов, что меня укусят.

Она мне нравится.

– Три генфина, которых вчера доставили сюда с острова Изгнания. Я здесь из-за них. Я не могу их бросить.

Принцесса Сура кивает.

– Что ж, мне ничего неизвестно о пленниках, но я попробую незаметно разузнать, что к чему. Я знаю лишь то, что отбор состоится через неделю.

Неделя. Я должна прятаться здесь, во дворце, под одной крышей с принцем, целую неделю.

Должно быть, на моем лице отразилось смятение, потому что принцесса мягко улыбается.

– Пока ты будешь делать то, что я говорю, останешься в безопасности. Дуру? Не могла бы ты собрать все, что нам понадобится? И принеси для Эмили еды.

Дуру колеблется, будто не хочет оставлять принцессу со мной наедине, но кивает и выскальзывает из комнаты.

Мы с принцессой Сурой некоторое время молча смотрим друг на друга. Принцесса по-настоящему красива, но в ее глазах прячется грусть. Через мгновение эта грусть превра-

щается в нечто иное. В решимость.

– Боюсь, я привела тебя сюда не только по доброте душевной.

Что ж, вот это мне уже не нравится.

Глава 4

– Да? Так почему вы мне помогаете? – настороженно спрашиваю я принцессу.

Она задумчиво постукивает длинным пальцем по руке.

– Против нынешней монархии существует движение, – говорит Сура, совершенно сбивая меня с толку.

– Что?

– Фейри по всему королевству недовольны. Сформировано сопротивление. И я одна из них.

Если бы она встала на четвереньки и начала лизать землю, я бы и то меньше удивилась. Ого. Вот это да.

– Вы, может, не заметили, но теперь вы вроде как часть монаршей семьи.

– Да. Я надеялась, что смогу провести некоторые изменения изнутри, как только стану королевой. Но, увидев, как поступает принц Эльфар, я ясно поняла, что этот план обречен.

– Я-то что могу сделать?

– Зависит от обстоятельств. Почему ты шпионила за принцем?

Как же мне объяснить ей, что я не шпионила, а выполняла свою работу? Конечно, она забрала меня с улицы, но не могу же я просто взять и признаться, что являюсь существом Завесы.

– Я не шпионила за ним по политическим причинам.

– Значит, ты наемница? Признаю, непохоже, что так, но, возможно, это прикрытие.

Представив себя крутой наемницей, я фыркаю. Конечно, я хорошо владею луком и стрелами, но, касаясь других навыков, я не очень способная.

Я даже не середнячок.

Ладно, если совсем честно, я ужасна.

– Нет, нет. Не наемница.

– Тогда?.. – принцесса вопросительно на меня смотрит.

– Послушайте, наверное, это прозвучит жутко, но я здесь в большей степени из-за вас.

Ее фиолетовые брови взлетают на лоб.

– Из-за меня?

– Я хотела убедиться, что у вас с принцем счастливый брак.

Она мне не верит. Я понимаю это по выражению ее лица. Черт возьми, я сама себе едва верю, хотя знаю, что говорю правду. И все же, она во всех отношениях принцесса и не говорит мне в лицо то, что думает. Старается быть дипломатичной.

– Понятно. Что ж, в таком случае, мне жаль, что мы тебя разочаровали.

– Мы обе знаем, что это не ваша вина. Принц – вот кто настоящий болван.

– ...действительно, – отвечает она с озорным блеском в глазах.

– Так зачем я вам нужна?

– Ты можешь становиться невидимой и противостоять вредоносной магии. Я хочу, чтобы ты была моим глазами и ушами.

Я ошарашена.

– Но я не могу. В смысле, становиться невидимой... – я вздыхаю, потому что не могу внятно объяснить, что со мной. – Ладно. Вы, наверное, подумаете, что я спятила, но я скажу все как есть. Я Купидон.

Принцесса удивленно смотрит на меня своими огромными глазами.

– Мне не знаком подобный вид фейри. Это смешанный вид?

– Я вообще не фейри. Если честно, мне здесь не место. Я должна жить в Завесе – измерении, которое отделяет меня от вашего физического мира. Купидоны используют свои силы, чтобы распространять любовь и желание. Мы прославленные свахи.

Сура хмурится, глаза приобретают темно-фиолетовый оттенок. От этой разительной и внезапной перемены я пугаюсь.

– Так это твоя вина, что принц...

Я перебиваю ее.

– Нет! Боги, нет. Он сам по себе кобель. Я пыталась его исправить, клянусь. Пыталась сделать так, чтобы он стал вам верен. Я все перепробовала, – с горечью рассказываю я. – Ничего не помогло. Этот парень скользче смазки.

Принцесса удивленно на меня смотрит, словно не может поверить, что такова ее жизнь. Наверное, про смазку было грубовато? Но ярость пропадает из ее глаз, так что все хорошо.

– Так вот почему ты была невидимой? Потому что ты существовала в Завесе? А вовсе не из-за сильной магии.

Я слегка вздрагиваю.

– Ну, может, я и не крутая наемница, но не надо меня недооценивать. Купидоны наделены потрясающими магическими способностями, если позволите.

– Например?

– Например, я могу начать оргию быстрее, чем вы произнесете слово «групповушка».

Ладно, вслух звучит не так классно, как в голове. Но все же.

– ...хорошо. То есть, ты Купидон. Значит, нам придется использовать твои уникальные... сильные стороны.

Не стану позориться и уточнять, что сильных сторон, кроме хороших волос и характера победителя, не так много.

– Ладно.

– Пока не о чем беспокоиться.

– Кое-что меня смущает, – признаюсь я.

– Что?

– Я как бы... ну, мне нравилось присматривать за вами. Летать следом, знать, что с вами все в порядке. – «Присмат-

ривать» же звучит не так жутко, как «преследовать»? Надеюсь. – Я наблюдала за вами по ночам. Вы так плакали. Сильно плакали.

Ее взгляд становится жестким.

– В чем твой вопрос?

– Прошло всего пару месяцев. Как вы от слез по принцу и его нелюбви к вам перешли к руководству восстанием и желанию насадить его голову на пику?

Сура невесело смеется.

– Ты думаешь, я плакала по нему?

Я хмурюсь.

– Ну, да. Я чувствовала, как у вас разрывается сердце.

– Мое сердце разрывалось. Но не из-за него.

– О, – потом: – *Ооо*. Вы любили кого-то другого? До того, как вышли замуж за принца?

Она не отвечает, но по ее взгляду я понимаю, что так оно и есть.

– Я не знала. Мне жаль. Но почему же вы вышли замуж за принца Кретина?

– Ради фейри, которые жаждут перемен. Ради власти, которая даст шанс все изменить.

– Значит, вы планировали все это какое-то время.

Принцесса кивает.

– Тот, кого вы любите... где он?

Сура тяжело сглатывает.

– Этого человека больше нет.

– Это принц?.. – я не заканчиваю вопрос. Если принц убил фейри, которого любила принцесса Сура, то я возненавижу его еще сильнее.

– Мы не будем это обсуждать.

Я поднимаю руки в примирительном жесте.

– Простите. Привычка Купидона. Острая необходимость исцелить разбитое сердце. Словно глоток воды для путника в пустыне, – отвечаю я, проводя языком по зубам. Кто бы мог подумать, что сухость во рту – побочный эффект разбитого сердца? – Я была уверена, что это принц разбил вам сердце, – признаюсь я, – и, если я хоть как-то могу все исправить, то сделаю это. – Я склоняю голову в раздумье. – А может, вы просто захотите ему отомстить, а? Помогу с радостью! Хотите «прокатиться» с его лучшим стражем? Подобное его взбесит. А еще я могу заставить его возжелать какую-нибудь мерзкую гоблинку. Было бы уморительно.

Уголок ее рта слегка приподнимается.

– Не в этот раз, но спасибо.

– В любое время.

– Итак, Эмили, могу ли я на тебя рассчитывать?

– Конечно да, но чего именно вы хотите?

Сура смотрит мне прямо в глаза и говорит:

– Свергнуть короля и принца, разумеется.

Я бледнею.

– Вы несерьезно.

– Нет, все именно так.

– Но он убьет вас.

Сдержанная леди внезапно исчезает, и на ее месте уже стоит неистовая принцесса.

– Нет, если я убью его первой.

Я присвистываю.

– Ого. Вы сейчас просто суперстрашная.

Мои слова вызывают смех у принцессы, и этот звук настолько заразителен, что я тоже смеюсь. Мне приятно смеяться, но потом я вспоминаю, что моих парней заперли в башне, и улыбка угасает.

– Я помогу вам, но не могли бы и вы помочь моим генфинам?

После секундного раздумья она кивает.

– Не буду лгать. Я не могу сделать многого, пока они ожидают отбора или даже пока проходят его. Но я сделаю все, что в моих силах.

– Спасибо.

Боль в животе внезапно усиливается, заставляя зашипеть.

Принцесса Сура хмурится.

– Ты заболела?

– Не совсем.

Как мне все объяснить? Я не хочу признаваться, что могу снова стать невидимой. Что, если она захочет использовать это? Я не могу так рисковать, не могу утратить свое тело из плоти и крови без шанса вернуться из Завесы. Нет, нельзя рассказывать.

– Если я отхожу от плененных генфинов слишком далеко, то мне становится... не очень хорошо.

– Понимаю. Боюсь, у меня нет сил, чтобы снять заклятие.

– О, все в порядке. Не волнуйтесь. Я справлюсь.

– Нет ли каких-нибудь трав или настойки, которая бы помогла?

– Нет, мне просто нужно их увидеть.

– Не думаю, что это возможно. Вероятно, тебе придется дожидаться окончания отбора.

Я вздрагиваю. Не знаю, есть ли у меня столько времени. Похоже, дело не только в расстоянии, но и в количестве часов порознь.

– Итак, легенда такая: ты была моей служанкой на моем родном острове, и я вызвала тебя сюда. Никто не будет сомневаться в этом, но не ожидай, что тебя здесь примут. Кроме как от Дуру, хорошего отношения ты здесь не встретишь. Ни при каких обстоятельствах ты не должна доверять хоть кому-нибудь в этих стенах. Преданность здесь – это просто слово из одиннадцати букв.

Поскольку я прожила здесь несколько недель во время моего последнего купидонского задания, я и сама это знаю. В этом месте больше подковерных игр, чем в подготовительной школе.

– Поняла.

Дуру снова заглядывает в комнату.

– Я все приготовила, принцесса.

– Очень хорошо, спасибо, Дуру, – затем принцесса Сура обращается ко мне: – Мне пора, но Дуру отведет тебя в купальню и поможет. Сейчас там никого не будет. Дуру покрасит твою кожу, чтобы ты стала похожа на высшую фейри, и принесет все, что нужно.

– Спасибо, – отвечаю я, снимая сумку и оставляя ее на кровати.

– И, надеюсь, мне не нужно напоминать о секретности, не так ли?

– Не-а. Все понятно, – и, глядя на ее заломленную бровь, добавляю: – То есть, нет, мэм. Королевское Высочество. Принцесса. Сверхсекретное восстание равняется закрытому на замок рту Эмили.

Губы принцессы подрагивают от моего поразительного красноречия. Нельзя ее винить. Затем она покидает комнату.

Глава 5

Мне остается только следовать за Дуру в купальню для прислуги. Помещение довольно большое. В каменный пол встроено несколько ванн.

– Все слуги моются здесь, – объясняет Дуру, все еще неся с собой сумку. – Залезай и потяни за цепочку. Появится вода. Имей в виду, она холодная.

Я стону. Холодные ванны. Проклятье моего существования.

Я быстро снимаю испачканное и сильно помятое платье и шагаю в каменную ванну.

Потянув за цепочку на стене рядом с ванной, я выдергиваю пробку, и из отверстия льется холодная вода. Когда воды достаточно, я вставляю пробку обратно.

Дуру не теряет времени даром. Она бросает мне кусок мыла со сладким ароматом, и я намыливаю волосы и тело. Хочется выпустить крылья и помыть их, но я не хочу так рисковать. Вдруг кто-то войдет и увидит.

Как только я заканчиваю купаться, Дуру достает из сумки бутылочку и льет красную жидкость в воду, та становится ярко-розовой.

– Годится. Опускайся под воду и не вылезай столько, сколько сможешь.

Сделав глубокий вдох, я погружаюсь в воду. Я держусь

до боли в легких, а затем всплываю на поверхность.

– Еще раз, – приказывает Дуру.

Я снова ныряю. И снова, и снова, и снова, пока Дуру не убеждается, что моя кожа стала достаточно розовой, как положено высшей феяри.

– Хорошо, – говорит она.

Посмотрев на руки, я понимаю, что моя кожа больше не цвета слоновой кости, теперь ее цвет напоминает лепестки фуксии.

– Волосы тоже стали немного темнее, – довольно кивает Дуру. – Выходи, но придется обсохнуть на воздухе. Полотенце снимет цвет.

Я вылезаю из ванны и стою словно дождевая тучка. На полу появляются лужи. Я не могу унять дрожь, и кожа покрывается мурашками.

– Где-нибудь есть камин? Мне холодно.

Ненавижу, когда мне холодно.

Дуру упирает кулаки в широкие бедра.

– О, конечно. Давай-ка я отведу тебя в личные покои принцессы, чтобы ты смогла погреться у огня, как подобает настоящей леди. Может быть, тебе еще и ноги помассировать?

Я усмехаюсь в ответ на ее саркастичный тон.

– Было бы здорово, спасибо.

Дуру закатывает глаза.

– Достаточно. Надень это, но будь осторожна, не сотри

краску. Она высохнет и впитается в кожу, но через несколько дней, возможно, придется вновь искупаться в окрашенной воде.

Дуру бросает мне ночную сорочку, которая висит на мне, как мешок из-под картошки. Ткань прилипает к еще влажной коже, но уж лучше так, чем голяком.

– Что, не шелк?

Я понимаю, что она хочет улыбнуться. А еще я знаю, что лужа на полу действует ей на нервы. Держать все в идеальной чистоте – инстинкт, присущий всем брауни.

– Пойдем, – говорит она, бросая тоскливый взгляд на лужу. – Тебе лучше побыстрее оказаться в своей комнате. Стражи заходят сюда каждые пару часов.

Фейри отводит меня обратно в комнату, а затем вытряхивает сумку, с которой не расставалась все это время. Улыбка сразу же озаряет мое ярко-розовое лицо.

– Дуру, а я тебе правда нравлюсь, – говорю я, торопливо подходя к ней. Я хватаю еду, которую она принесла, и запикиваю в рот хлеб и сыр.

Дуру качает головой.

– Добрая богиня, ты ешь как дикий вепрь. Удивительно, что не хрюкаешь.

Я смотрю на нее, набив рот.

– Если ты таким образом пытаешься заставить меня не любить тебя, то у тебя ничего не выйдет. Ты накормила меня и оскорбила принца. Теперь мы практически лучшие

подруги. – Дуру снова закатывает глаза, но меня не обвести вокруг пальца. – Я тебе нравлюсь, признайся.

– Перестань разговаривать с набитым ртом, – отчитывает меня Дуру. – А теперь иди спать. Утром ты услышишь колокол для прислуги. Надень униформу. В сумке, которую я тебе принесла, пара туфель на каблуках. Варианта лучше я не смогла найти так быстро, и, возможно, они тебе не по размеру, но придется носить то, что есть. Тебе нужно выглядеть выше. Ты слишком низкорослая для высшей феяри. Как только услышишь первый колокол, у тебя будет всего десять минут, чтобы собраться. Затем еще пятнадцать, чтобы прийти в столовую для прислуги и поесть. Встретимся там, и я провожу тебя в покои, которые нужно убирать каждый день. Я буду тебя инструктировать.

Я прикладываю ко лбу два пальца.

– Есть, мэ.

– Не опаздывай, – говорит она, тыча пальцем мне в лицо.

– Даже не мечтай об этом.

– Хорошо. Отдыхай. Колокол прозвенит уже через несколько часов.

Дуру открывает дверь и хочет уйти, но я окликаю ее.

– Эм, – говорю я, проглатывая огромный кусок хлеба. –

Спасибо, Дуру.

Она бросает на меня слишком тяжелый взгляд.

– Не попадись. И даже не думай предать мою принцессу, иначе я сама тебя убью. Поняла?

Ого. Смерть от брауни. И я вовсе не о шоколадком десерте. Дуру бы, наверное, задушила меня половой тряпкой.

– Ммм, да.

– Хорошо. Увидимся утром.

Она закрывает за собой дверь, и я быстро доедаю остатки хлеба, а затем забираюсь под одеяло и устраиваюсь на животе. Спать тут гораздо приятнее, чем на улице, прижавшись к твердой стене.

Я выпускаю крылья и со вздохом их расправляю. Так-то лучше.

Я чистая, сытая и розовая. Я закрываю глаза и засыпаю, думая, как, черт возьми, я оказалась в центре восстания фейри, когда всего лишь хочу защитить своих генфинов, остаться в материальном мире, влюбиться и заняться фееричным сексом.

Я засыпаю, представляя секс.

Как раз, когда все так прекрасно, бьет колокол, вырывая меня из сна.

Я хватаю подушку и накрываю ей голову, пытаюсь заглушить звук. Стараюсь снова погрузиться в мир блаженных сновидений, но звон будит меня вновь и вновь.

Чертов колокол. Кто вообще звонит в колокола?

На меня обрушиваются воспоминания, и я резко сажусь.

– Проклятье!

Я не имею ни малейшего представления, когда начал звонить колокол для прислуги и в первый ли это раз. Я вскаки-

ваю и рывком снимаю ночную сорочку. Оказывается, я вчера нечаянно порвала ее, выпустив крылья, но да ладно.

Я прячу крылья и бросаю порванную сорочку на пол.

Покопавшись в ящике под кроватью, я натягиваю положенную мне униформу служанки. Колокола перестали звонить, но я не знаю, хорошо это или плохо. Мне действительно нужны часы.

Платье сшито из толстого грубого материала серого цвета. Ткань собирается у ног. Я хватаю пару черных сапог со шнуровкой, которые оставила мне Дуру, и, обувшись, понимаю, что каблуки высотой минимум четыре дюйма.

Уф.

Я с трудом встаю, едва не падая розовым лицом на пол. Я поправляю волосы, чтобы они как следует прилегали к ушам, а затем заплетаю их.

Зеркала нет, так что я понятия не имею, насколько глупо выгляжу, но я рискую опоздать, так что направляюсь к двери и, дернув ее на себя, сталкиваюсь с раздраженной Дуру.

Она отступает на шаг и хмуро на меня смотрит.

– Ты опоздала! Ты пропустила завтрак.

– Прости! Я не лажу с колоколами. И ранними подъемами.

Дуру всплескивает руками и поворачивается ко мне спиной.

– Ступай за мной, и побыстрее.

Я ковыляю за ней, стараясь не отставать, но, скажем прямо, я босиком-то едва ли могу ходить не шатаясь.

Мое бедное, только что обретшее материальность тело просто не в состоянии бежать на четырехдюймовых каблучках.

Лодыжка подворачивается, и я едва не валюсь с лестницы, сумев удержаться только благодаря перилам.

Дуру бросает раздраженный взгляд через плечо.

– Хватит дурачиться, идем!

– Дуру, если для тебя это похоже на веселье, то тебе нужно чаще развлекаться, – пыхчу я. Черт, для коротышки она очень быстрая.

Как только мы выбираемся из коридоров для прислуги в основную часть замка, я впервые вижу других его обитателей.

Стражи и слуги трудятся внутри величественного замка. Они бросают на меня любопытные взгляды, некоторые феири откровенно ухмыляются.

Я стыдливо потираю розовую руку, но мне помогает то, что я узнаю большинство из них. Я не могу их бояться, памятуя об их тайных похождениях в чуланах для метел.

Ладно, да, я и была причиной этих встреч. За один день я устроила целых двадцать шесть свиданий с горячей концевкой. Напряженный выдался у чуланов денек.

Мне становится совершенно нечем дышать, но наконец Дуру останавливается перед дверью и ведет меня в чулан с постельным бельем. Она начинает сортировать простыни, а затем складывает их мне на руки. Дуру не останавливается,

пока стопка не становится выше моей головы.

– Пойдем, – говорит она.

Дуру протискивается мимо меня, и я едва не роняю белье. Мне не видно, куда ступать, приходится постоянно вертеть головой, чтобы не потерять из виду мою фею.

Когда я в очередной раз спотыкаюсь, стопка белья чуть не летит на пол вместе со мной, но, к счастью или к несчастью, в зависимости от точки зрения, я натыкаюсь на спину Дуру и не падаю.

– Хорошая богиня, ты держишься на ногах, словно новорожденный теленок, – шипит она. – Не смей ронять белье.

Я подхватываю стопку и выпрямляюсь.

– Ага, поняла. Совершенно не собираюсь ронять простыни.

Я слышу, как Дура хмыкает. Затем она открывает дверь, и я следую за ней.

– Положи на банкетку.

Я опускаю белье и наконец могу осмотреться. Покои принцессы Суры выглядят так же, как и раньше. В приемной разожжен камин, у стен висят книжные полки, а на небольшом письменном столе лежит вышивка. Через двери видно гардеробную, спальню и ванную комнату. Окна распахнуты, пропуская свежий воздух. Красивый балкон заставлен растениями в горшках.

– Я так люблю эти покои, – говорю я не подумав.

Дура перестает собирать в стопку простыни и смотрит

на меня прищурившись.

– Ты была во многих дворцовых покоях?

Да. Во всех.

– Мм, что? Вовсе нет. То есть не совсем. Возможно, я видела одни или... шестьдесят. Но эти, на мой взгляд, лучшие, ты не согласна со мной? Оформлены очень красиво. У принцессы Суры хороший вкус.

– Ты шпионила за моей принцессой, пока была невидима? – задает прямой вопрос Дуру.

– Шпионаж – отвратительное слово. Я предпочитаю называть это «наблюдением».

Дуру усмехается и бормочет себе под нос что-то о розововолосых плутовках.

В покои входит пара слуг и замирает на месте, увидев меня. Они тоже брауни, но в отличие от Дуру, чья униформа темно-фиолетовая, одеты в белое.

Молодые парень и девушка, едва вышедшие из юношеского возраста. Тугие кудри, торчащие во все стороны, добавляют их росту дюймов шесть, не меньше.

– Кто эта девушка? – спрашивает юная брауни, скривившись.

– Это Эмили, – отвечает Дуру, не отрываясь от сортировки белья. – Сегодня вы мне здесь не понадобятся. Можете пройтись по коридорам. Не забудьте вычистить ковры. Я заметила пятнышко, пока поднималась.

Парень вытягивается по струнке.

– Я сам чистил ковры два дня назад, и там не было никаких пятнышек.

Дуру смеряет его пристальным взглядом.

– Там было пятнышко.

Щеки парня слегка краснеют, но он держит рот на замке.

Ого. Пятнышки – дело серьезное.

Девушка скрещивает руки на груди.

– Почему это высшая феяри занимается уборкой? Они ничего в этом не понимают.

О, боги. Политика уборки брауни.

– Эй, высшие феяри запросто справляются с уборкой, – защищаюсь я. Даже не знаю почему. Я просто не могу удержаться.

Она фыркает, словно это самая нелепая вещь, которую ей когда-либо доводилось слышать.

– Достаточно. Вы впустую тратите время, – говорит Дуру. – Идите.

Брауни поворачиваются и уходят, но успевают одарить меня еще одним презрительным взглядом. Дуру и я снова остаемся одни, я смеюсь.

– Вот это да, я и не знала, что мне попадет за уборку на территории брауни.

– Не обращай внимания. Они просто обижаются. Уборка в этих покоях дает им больше энергии, чем в холле. Там меньше блестящих поверхностей.

Ха. Кто бы мог подумать?

– Ну! Не стой столбом. Снимай постельное белье. У нас впереди долгий день, – говорит Дуру с блеском в глазах. Ого, брауни на самом деле обожают убираться.

Позже я понимаю, что она не шутила. Мы сменили белье в спальне и ванной, отскоблили полы и стены, протерли пыль на полках, вымыли окна и полили растения, счета которым не было.

К тому времени, когда снова звонит колокол, у меня до дрожи болят руки, а ноги опухли и ноют от целого дня на неудобных каблуках.

Дуру цокает, глядя на мой растрепанный и измученный вид. Я выгляжу так, словно меня кошки драли. Не помогает и то, что благодаря магии брауни Дуру выглядит энергичнее, чем когда-либо. Клянусь, она будто сбросила десять лет. Она буквально сияла, пока чистила туалет.

Дуру поднимает мою руку и качает головой, глядя на мое предплечье.

– Слабые руки. И кожа совсем не грубая, – говорит она, с издевкой глядя на мои покрытые волдырями ладони.

– Уборка – тяжелое занятие, – хнычу я.

Дуру закатывает глаза.

– Лучше бы тебе привыкнуть и не показывать явную неопытность. Слуг наказывали и за меньшее. Пойдем, поедим.

– А вот теперь ты говоришь на моем языке.

Мы идем в столовую для прислуги, я следом за Дуру. Боги,

как болят ноги. Если бы не предстоящий прием пищи, я бы села прямо здесь, в коридоре, и на этом бы все закончилось.

А может быть, я могу дыхнуть немного Страсти в лицо какому-нибудь стражу и заставить его отнести меня в столовую на руках?

Прежде чем я успеваю найти стражей и привести свой план в действие, мы доходим до места.

Внутри более сотни жующих слуг. Здесь расположено несколько длинных обеденных столов со скамьями, в том числе один длинный, уставленный едой.

Взяв тарелку, я иду за Дуру и накладываю себе столько еды, сколько может на ней уместиться. Я пропустила завтрак и умираю с голоду, да и боль от разлуки с якорями ситуацию не улучшает.

Мы с Дуру сидим вдвоем, и я замечаю, что, хотя на нас многие смотрят, никто не стремится к нам подойти. Дуру сверкает глазами на всех, кто пялится слишком долго.

– Думаю, мы нескоро получим приглашение сесть за популярный стол.

Дуру отпивает суп, прежде чем ответить.

– Они не любят чужих, а ты такая же чужая, как и я. Но ты, по крайней мере, похожа на высшую феяри. Это тебе на руку.

– Брауни ничем не хуже высших феяри.

Она фыркает в миску. От дымки, поднимающейся от супа, ее волосы выются сильнее.

– Никто из высших фейри не разделит твоего мнения, так что, если ты не хочешь, чтобы тебя раскрыли, советую больше не говорить этого там, где тебя могут услышать.

Я понижаю голос и наклоняюсь чуть ближе.

– Что ты знаешь об отборе?

Дуру пожимает плечами.

– Ничего. Я раньше никогда не была на нем.

Я откидываюсь назад с разочарованием. Если я смогу раздобыть хоть какую-то полезную информацию и передать парням, то, возможно, они смогут победить.

– А тюремные башни? Есть ли какой-нибудь способ попасть внутрь?

Дуру прищуривается.

– Даже не думай об этом.

– Мне нужно их увидеть.

Она качает головой.

– Тебя поймают. Никто не может войти в эти башни. Король сам установил чары много веков назад.

– Но кто-то же должен туда заходить. Чтобы вводить и выводить пленников. Приносить им еду и воду.

Она задумчиво приглаживает рукой кудри.

– Да, думаю, кто-нибудь из кухонной прислуги относит им еду.

Вот он, мой шанс пробраться внутрь. Понимаете? Я буду отличной шпионкой.

Дуру, должно быть, видит блеск в моих глазах, потому что

качает головой.

– Если тебя поймают...

– Знаю, знаю. Мне лучше не выдавать твою принцессу. Поверь мне, я этого не сделаю. Я слишком боюсь, что ты утопишь меня в унитазе.

У нее такой взгляд, будто она именно это сейчас и представляет. Черт. Почему я подаю ей идеи?

Дуру оглядывает столовую, а затем кивает головой.

– Земной дух, вон там. Видишь ее?

Я прищуриваюсь.

– Девушка с подсолнухами, растущими прямо из головы?

– Да. Я слышала, как она говорила, что ходит в камеры.

Значит, мне просто нужно подружиться с силой цветов, и, надеюсь, земной дух сможет провести меня в башни к моим парням. Я точно смогу это сделать. Возможно. Вероятность успеха – тридцать процентов.

Мы заканчиваем трапезничать, и Дуру сразу отводит меня обратно в мою комнату, чтобы я по пути не заблудилась. Я остаюсь одна и, скинув каблуки и расправив крылья, почти мгновенно засыпаю.

Быть служанкой ужасно.

Глава 6

Следующие два дня проходят так же, как и первый. Волдырей на руках больше, чем мозолей на ногах от неудобных каблуков.

Мне приходится снова краситься в ванне. Правда, никто не спрашивает, кто я такая, так что маскировка, должно быть, работает.

К сожалению, боль в животе усиливается, и, засыпая ночью, я чувствую, как покалывание начинает распространяться по рукам и ногам.

На четвертый день, когда звенит колокол для прислуги, меня охватывает паника.

– Черт!

Я вскакиваю с кровати и пытаюсь растереть ладони, но ничего не получается.

Моя правая кисть просто исчезла. Стала невидимой. Полностью прозрачной.

– О, черт!

Я нахожусь от парней не дальше, чем раньше, но что, если их переместили? Либо они теперь далеко, либо причина кроется в том, что я давно их не видела.

В любом случае мне нужны якоря, чтобы существовать в физическом мире. Я не могу ходить с невидимой рукой. Она не просто невидима, она бесплотна. Паршиво. Если ис-

чезнет и вторая кисть, я не смогу ничего взять или чего-либо коснуться.

Я быстро одеваюсь, что, кстати, *гораздо* труднее сделать одной рукой.

Когда мне наконец удастся застегнуться, я понимаю, что рукав не скрывает отсутствие кисти.

Закусив губу, я оглядываю комнату в поисках вдохновения, и тут в голове загорается лампочка.

Я хватаю стопку одежды и кладу ее на руку так, словно моя ладонь находится снизу.

Этого должно быть достаточно. Я так думаю. Как часто вы на самом деле смотрите на чьи-то руки, верно? ...Или так говорят про обувь? Ладно. Неважно.

Я выбегаю из комнаты и направляюсь на кухню. Пришло время разыскать земного духа.

В такую рань на кухне бурлит деятельность. Повара кричат, кастрюли и сковородки дымятся и кипят, а слуги бегают туда-сюда, словно участвуют в соревновании.

Я кручусь возле двери, меня не раз отпихивают в сторону и наступают на ноги.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает одна из служанок. – Ты личная служанка принцессы. Что ты делаешь на кухне?

– Я, мм...

Ого, Эмили. Ты хорошо подготовилась.

– Я не очень хорошо себя чувствую, – бормочу я. – Мне сказали, что я могла бы взять лечебные травы у земного духа,

который здесь работает.

Фейри вскидывает бровь.

– Ты про Мосси?

– Если это та, у которой из головы растут большие желтые цветы, то да.

– Она с утра в саду, собирает необходимое. Иди туда, – говорит служанка, указывая на заднюю дверь.

– Спасибо.

Я прохожу мимо слуг и покидаю кухню. Снаружи расположен пышный сад, в котором растут овощи, фрукты, травы и цветы. Я вижу то тут, то там несколько земных духов, которые выращивают и собирают растения для сегодняшнего меню.

Я нахожу глазами букет огромных желтых цветов, показывающихся у фруктовых деревьев, и бегу туда.

– Мосси?

Девушка выпрямляется и поворачивается, обращая ко мне ярко-зеленые глаза.

– Да?

Я смотрю по сторонам, проверяя, что рядом никого нет. Наверное, мне следовало заранее придумать легенду. Нужно поработать над навыками супершпионки.

В ожидании моего ответа Мосси стирает с ладоней пыль, не выпуская корзину с фруктами.

Я шаркаю ногами, стараясь не уронить стопку одежды, которую все еще держу над невидимой рукой. Я знаю, что вы-

гляжу нелепо – взгляд Мосси то и дело опускается на стопку одежды.

Хмм... что же сказать...

К черту. Может получится и так.

– Я слышала, ты иногда относишь еду в тюремные башни?

Мосси от удивления поднимает зеленые брови.

– Да...

– Я надеялась, что ты позволишь мне пойти с тобой.

Теперь от удивления открывается еще и ее рот.

– Ты, личная служанка принцессы, хочешь пойти со мной и отнести заключенным еду?

– Да.

Теперь выражение лица фейри становится подозрительным, и подсолнухи обращаются ко мне, глядя с осуждением. Ого. Подсолнух, смотрящий сверху вниз. Страшнее, чем кажется.

– Зачем?

Зачем, зачем, зачем. Я внимательно смотрю на нее. Что я знаю о земных духах, кроме очевидного? Они выращивают растения. Маловато. Но духи все еще фейри, а фейри всегда любят четыре вещи: власть, вечеринки, секс и развлечения. А еще они всегда рады взятке.

Но в случае с Мосси я знаю, как действовать. Потому что я слышу, как бьется ее сердце в такт безответной любви.

– Ну, там есть один страж... – начинаю я с намеком.

И вижу, как подозрительность на ее лице сменяется гне-

вом. Бинго.

– Какой именно страж? Я надеюсь, не Бликс, – поспешно говорит она.

Лепестки подсолнухов слегка сворачиваются. Похоже, что теперь они смотрят на меня с агрессией.

– Нет-нет. Совершенно не Бликс. Другой страж. Совсем другой, – и, чтобы ободрить ее, я добавляю: – Бликс никогда не обратит на меня внимание. Ему, как говорят, по душе земные духи.

Не очень остроумно, но у меня нет времени продумывать все до мелочей.

Мосси вздергивает подбородок, гнев постепенно рассеивается, и она тянется погладить один из цветков на голове. Подсолнухи успокаиваются и снова обращают свои головки к солнцу.

– Что ж, хорошо. Могу только пожелать тебе удачи, – с горечью говорит она. – Пока стражи несут службу, ничто и никто не сможет привлечь их. Я вырастила лучшие цветы, а Бликс даже не взглянул на них.

Я фыркаю в ответ на это.

– Что? Как грубо. Твои цветы лучше всех, что я когда-либо видела.

– Вот и я про это, понимаешь?

– Ну, если ты позволишь мне пойти с тобой, то гарантирую: на этот раз он обратит на тебя внимание.

Я вижу надежду в ее глазах, хотя она пытается сдержаться.

– О? Ну, может быть, он мне больше не интересен, – говорит она, отбрасывая несколько лоз за плечо.

– Конечно. И я про это. За таким духом, как ты, должны бегать! Ухаживать. Добиваться расположения. Бликсу повезло, что ты обратила на него внимание. Думаю, нужно поиграть с ним в кошки-мышки, я права? Покажи ему, кого именно он упускает, подруга.

Мосси наконец-то улыбается, показывая мелкие зеленоватые зубки.

– Встретимся на кухне после последнего звонка.

Мои губы изгибает ответная улыбка.

– Обязательно приду.

Глава 7

Дуру приходит за мной в комнату, но я притворяюсь больной. Все равно я не смогу незаметно убираться одной рукой.

Когда колокол звонит в последний на сегодня раз, знаменуя окончание ужина, я выхожу из комнаты и направляюсь на кухню, чтобы встретиться с Мосси.

Заметно, что она прихорашивалась. На ней надето чистое, без пятен платье, а цветы аккуратно подрезаны.

– Ты выглядишь чертовски мило.

Подсолнухи буквально расцветают от похвалы.

– Спасибо. И ты.

Я лишь заново заплела косу, но улыбка все равно возникает на лице сама собой.

Мосси поднимает корзину с едой и протягивает мне стопку деревянных подносов.

– Можешь взять. Готова?

– Абсолютно.

Вместо того чтобы выйти наружу, мы идем по темному коридору от кухни в подвал.

– Куда мы направляемся?

Мосси оглядывается через плечо.

– Ко входу в тюремную башню, конечно.

– Значит, он под землей, – отмечаю я скорее для себя.

– Конечно.

Мы добираемся до подвала, Мосси открывает дверь в полу, и мы спускаемся по узкой лестнице. Коридоры под замком темные, сырые и затхлые.

Я несколько раз чихаю, и Мосси просит меня прекратить, словно я специально пытаюсь ее позлить. Но просит она вежливо, не могу отрицать.

Через какое-то время мы добираемся до помещения, в котором сидят и играют в карты три стража.

Один из них – огненный фейри. С волосами из дыма и кожей, горящей, как угли.

– Ого, – невольно вырывается у меня. – Волосы из дыма. Потрясающе. Их даже не нужно расчесывать, да? Ненавижу расчесываться, – признаюсь я, показывая косу. – На это уходит целая вечность. К тому же, у меня чувствительная кожа головы. Очень нежная на макушке. Хотела бы я иметь волосы из дыма. Какой объем! Но как ты спишь? Подушка не сгорает? О, уверена, что шляпу тоже просто так не надеть.

Трое стражей тарашатся на меня.

Огненный фейри кривится, а потом поворачивается к Мосси.

– Какого черта?

Мосси всплескивает руками и немного истерично смеется.

– О, не обращайтесь внимания. Это новенькая. Почти не видела другие виды фейри, кроме своего собственного.

Мосси бросает на меня выразительный взгляд через пле-

чо, явно говорящий: «Заткнись и перестань выставлять себя идиоткой».

Я прочищаю горло.

– Извините, я просто нервничаю, – говорю я, подходя ближе к столу.

Огненный фейри качает головой и возвращается к картам.

– Пошевеливайтесь.

Мосси спешит вперед, зовя меня за собой. Она ставит корзину с едой на длинный стол рядом с дверью, а я помогаю разложить порции на подносы, которые принесла.

Что не так-то просто делать одной рукой. Мосси пока не заметила, хоть это хорошо. Я неловко держу руку под фартуком, пытаюсь сделать вид, что ладонь в кармане.

Мой желудок сжимается, пока мы накладываем еду: крошечная горбушка черствого хлеба и самый ужасный на вид суп. Мало того что еда сама по себе омерзительная, ее не хватает, чтобы накормить даже ребенка.

– Что это? – шиплю я.

– Еда для заключенных, – поясняет Мосси, словно я идиотка.

– Она ужасная. И ее мало.

– Они *заключенные*. Думаешь, монархам есть до них дело? Мы кормим их чем приказано.

Я в ярости. Настолько, что перед глазами встает алая пелена, но я сглатываю.

– Кто из них Бликс?

Стражи переговариваются между собой, полностью погружившись в карты, и Мосси указывает на объект своего вожделения. У него темно-синяя кожа и глаза цвета океанской воды.

– Водный дух? – уточняю я.

Она кивает.

– Да, и мои цветы не помешало бы полить, если ты понимаешь, о чем я.

У меня вырывается смешок. Третий страж похож на помесь гоблина с великаном. Он весь такой нескладный и неуклюжий. Не красавец.

– Давай заставим Бликса обратить на тебя внимание, – шепчу я, и Мосси ухмыляется в ответ.

Она поправляет грудь в вырезе платья и цветы на голове. И поскольку я Купидон своего слова, я подхожу к столу, где сидит Бликс, увлекая за собой Мосси.

Я якобы спотыкаюсь, утягивая Мосси за собой, и практически впикиваю ее в объятия Бликса. И немедленно выпускаю Дыхание Страсти ему в лицо, а затем выпрямляюсь.

И наблюдаю, как Страсть проникает в его тело. Бликс смотрит на Мосси в его объятиях так, словно видит ее в первый раз.

Секунду они смотрят друг на друга, а в следующее мгновение уже целуются так, словно пытаются высосать друг у друга душу. Потрясающе.

Два других стража на мгновение пораженно замирают,

а потом нескладный парень начинает смеяться. Огненный парень тянется к водному духу и отвечает ему подзатыльник.

– Бликс. Перестань, и оставь ее язык в покое.

Бликс отстраняется, слегка задыхаясь. Он смущенно смотрит на Мосси, а затем на своего товарища.

– Извините, – ворчит он.

– Можешь отнести заключенным еду, – усмехается огненный фейри, заставляя Бликса застонать в ответ.

– Прости, мне пора, – говорит он Мосси, поднимая ее со своих колен и ставя на пол. – Долг зовет.

Мосси все еще не в себе после поцелуя, но ей удается кивнуть.

Черт. Я решила, что еду заключенным разносит Мосси. Мне необходимо попасть внутрь.

– Я могу помочь, – выпаливаю я чересчур громко. Теперь на меня таращатся уже четверо фейри. – Это ведь я виновата. Я споткнулась и толкнула Мосси. Я могу помочь, если хочешь.

Сердце колотится в груди. Мне правда нужно увидеть ребят. Я уже близко. Так близко.

Бликс открывает рот, чтобы ответить, но огненный фейри опережает его.

– Нет. В башнях разрешено находиться только стражам. Ну, бегите, – произносит он снисходительно. – Уверен, что у вас еще много дел: отполировать камни, выбить ковры...

Я обращаю к нему взгляд.

– Во-первых, камень не полируют, а скоблят. А во-вторых, выбивать ковры сложнее, чем ты думаешь. Так что, если ты один из тех засранцев, которые не вытирают ноги перед тем, как зайти в дом, надеюсь, в следующий раз, когда ты будешь принимать ванну, тебя похитят келпи.

Он хмурится, и его огненная кожа начинается светиться более глубоким красным цветом. Руки вспыхивают огнем. Ого. Похоже, я его разозлила.

– Она шутит! – тотчас же вмешивается Мосси, снова нервно смеясь. – Мы уже уходим.

– Да, можешь возвращаться к своей сверхтрудной работе – игре в покер, – подначиваю его я. Даже не знаю зачем. Разум моими действиями явно недоволен. Он не переставая вопит и велит заткнуться.

Огненный фейри все еще сверкает глазами, да и его объятые пламенем руки выглядят жутко, но нескладный парень прерывает напряженный момент, спросив:

– Что такое покер?

Точно. Человеческие карточные игры здесь не то чтобы общеизвестны. Мосси не дает мне ответить. Она машет Бликсу и тащит меня прочь.

Мосси не отпускает мою руку до тех самых пор, пока мы не оказываемся в подвале, и тогда набрасывается на меня.

– Что это было, черт возьми?

– Знаю, прости. Тот огненный фейри меня взбесил.

Она закатывает глаза.

– Ферно раздражает всех. Но он очень сильный, и, поверь мне, не стоит попадаться ему под руку.

– Принято к сведению.

– Но Бликс... – она вздыхает, ее глаза блестят, и она отводит взгляд в сторону. – Он прекрасно целуется. На вкус его губы, как озеро.

Я морщусь. Не уверена, что считаю поцелуй со вкусом воды из пруда прекрасным, но кто я такая, чтобы судить других?

– Спасибо за помощь. Толчок получился что надо.

– В любое время. Сватовство – мой конек.

Мы добираемся до кухни, расходимся в разные стороны, и я не могу побороть разочарование. Эта затея оказалась совершенно неудачной. Если в башни пускают только стражей, то как мне добраться до парней? Что, если я проснусь утром и исчезнет добрая половина тела? Мысль не из приятных. А вдруг исчезнут губы? Или грудь? Она мне нужна.

Я открываю дверь в свою комнату и чуть не выпрыгиваю из платья, поняв, что там уже кто-то есть.

– Святые шары Преисподней, вы меня испугали.

Принцесса Сура поворачивается от окна ко мне.

– Прости. Я не хотела напугать тебя.

Я быстро закрываю за собой дверь и встаю перед принцессой, скрывая отсутствие руки.

– Что вы здесь делаете? – мне неловко от того, как звучат

мои слова. Наверное, следует говорить в другом тоне, беседуя с чертовой принцессой этого мира. – Простите. Я хотела сказать... чем я могу вам помочь, Ваше Высочество?

Она царственно сцепляет перед собой руки. У нее вообще отлично получается выглядеть царственно. Интересно, она когда-нибудь выглядит иначе? Может быть, когда у нее кишечный грипп? Наверное, трудно выглядеть величественно, когда тебя выворачивает наизнанку. Хотя, если кто-то и сможет, то только она. Принцесса Сура даже плачет царственно. Шмыгает носом, а щеки становятся милого нежно-фиолетового цвета.

– Как ты устроилась? – спрашивает она. – Все ли в порядке?

– Все хорошо, – отвечаю я.

Интересно, знает ли она, что я наведалась в башни? Но как она могла узнать об этом так быстро? Может, у меня проблемы? От этого мне не по себе. Мне нужен хотя бы один член монаршей семьи на своей стороне.

– Ты сказала, что находишься здесь из-за пленных генфинов.

Черт. Она знает.

– Ага. То есть да, Ваше Высочество.

– Я навела кое-какие справки и выяснила, что сейчас в башнях только три генфина. Благородный дом стаи Фирк-роун.

– Да.

Принцесса начинает ходить туда-сюда по моей маленькой комнате, и я нервничаю. Она собирается выгнать меня? Может, еще и в камеру посадит?

Уф. Я просто не создана для тюрьмы. Я розовая, черт возьми.

– Ты могла бы познакомиться с ними много лет назад, но, я думаю, это невозможно, поскольку ты только-только обрела телесную форму. Это значит, что ты встретила их недавно. Что в свою очередь означает следующее: ты каким-то образом проникла через барьер над островом Изгнания.

О. Так вот почему Сура здесь. Но я все равно не понимаю, к чему она клонит.

– Да, проникла. Это как с чарами. Некоторая магия на меня не действует.

– А какая действует?

– Парни, я имею в виду, генфины применяли ко мне свою магию, и все получилось. – Я не стала упоминать зелье, которое Арахно заставила меня выпить.

– Хм. Ну, не беря это во внимание, никакие наши самые мощные барьеры тебе не преграда. Ты можешь пройти сквозь них.

– Думаю, да.

Принцесса останавливается и поворачивается ко мне.

– Я хочу, чтобы ты полетела на один остров, прошла через барьер и собрала для меня информацию.

– Что за остров? И какого рода информацию?

– Один из моих осведомителей дал мне наводку на остров, который принц использует тайно. Мы не знаем, для чего именно, но ходят слухи, что там создается какое-то оружие. Мне нужно знать, что там находится, и ты единственная, кто может незаметно туда пробраться.

– Но если все настолько секретно, то остров должен быть защищен не только барьером, – отмечаю я.

– Это правда. Именно поэтому я отправлю с тобой одного из моих личных стражей на тот случай, если вокруг барьера установлен защитный периметр. Страж также будет твоим проводником. У него есть приблизительные координаты острова.

Черт. Все это мне не по зубам. Подождите, а разве повстанцам платят? Что-то подсказывает мне, что нет.

– Я хочу помочь вам, принцесса Сура, но я не уверена, что гожусь для подобных заданий.

Она подходит ближе и берет меня за руку. К счастью, за ту, которая все еще на месте. А то было бы неловко.

– Мне нужно, чтобы ты сделала это, Эмили. Если принц создает какое-то оружие, мне нужно знать, какое и как он планирует его использовать. Поговаривают, что оно может уничтожать целые острова фейри, которые активно выражают недовольство настоящей властью и призывают к переменам. Если ему удастся овладеть подобным оружием, то убиты будут тысячи, а наше восстание – подавят. Многие хорошие фейри погибнут.

Я выдыхаю. Я знаю, что должна помочь. Не только потому, что я в долгу перед ней, но и потому, что я не хочу, чтобы принцу сошло с рук подобное. Есть только одна проблема...

– Мм, ладно, я хочу вам помочь, но появилась небольшая проблема.

Принцесса Сура вопросительно смотрит, и я вытягиваю вперед вторую руку. Принцесса в замешательстве оглядывает меня, а затем осознает, чего не хватает. С ее фиолетовых губ срывается вздох.

– Твоя рука! Что случилось?

– Я вроде как... снова становлюсь невидимой.

Ее глаза встречаются с моими.

– Ты не можешь это контролировать?

Я качаю головой и признаюсь:

– Это связано с генфинами. Очевидно, поскольку они были первыми коснувшимися меня фейри, они и стали моими якорями в этом мире. Какой бы магией меня ни ударил принц Эльфар, ее эффект не был долгим, но она перешла на парней, и выходит так, что я могу оставаться здесь, только пока держусь рядом с ними. Если я давно их не видела или оказалась слишком далеко, то... – я показываю отсутствующую кисть.

– Ты сможешь вернуться?

– Я верну руку, только прикоснувшись к ним. Но если превращусь в невидимку... не знаю. Не думаю, – я прикусываю губу.

– Это все усложняет, Эмили.

Я фыркаю.

– Да уж, это вы преуменьшили. Поверьте, я не спешу возвращаться в Завесу, где меня никто не видит. И что еще хуже, как только генфины выберут себе пару, магия, связывающая нас, скорее всего, исчезнет, и я окажусь в полной заднице. В самом плохом смысле.

Сура хмурится и снова начинает мерить комнату шагами.

– Проблематично.

– Знаю. Сегодня вечером я пыталась пробраться в башни и увидеться с ними, но все пошло не по плану.

– Никто не может попасть туда, кроме стражей. Даже я, – признает принцесса.

Я разочарованно вздыхаю.

– Чем дольше я с ними не вижусь, тем быстрее исчезну. Если я отправлюсь на тот остров, точно пропаду. Он слишком далеко. Я не знаю, смогу ли вернуться, если полностью исчезну, даже при помощи парней.

Принцесса Сура вздыхает и трет глаза.

– Это все меняет. Мне нужно подумать. Бесплезно посылать тебя на остров, если после ты не сможешь передать мне информацию.

– К тому же, знаете, я бы очень хотела остаться в этом мире. Живой и все такое.

Принцесса тонко улыбается.

– Определенно. А они знают? Генфины?

Я качаю головой, и ее улыбка становится грустной.

– Кое-кто сказал мне, что есть способ привязать себя к чему-то или кому-то другому. Если вы сможете его найти, то я помогу вам. Полечу на остров с оружием.

– Ты знаешь, как это можно сделать?

Я качаю головой.

– Понятия не имею.

– Скоро начнется отбор, – отмечает принцесса Сура.

– Да, и я должна быть там с ними.

Она кивает.

– Хорошо. Позволь мне подумать, и я свяжусь с тобой завтра. Выдержишь?

Без понятия.

– Да. Абсолютно.

– Хорошо. Я оставлю тебя. Отдыхай, а завтра никуда отсюда не уходи. Я появлюсь, как только смогу.

– Конечно.

Я снова остаюсь одна, раздеваюсь и расправляю крылья, а затем ложусь в кровать. Может быть, с помощью принцессы я смогу найти новый якорь. Будем надеяться, я не исчезну раньше.

Глава 8

Ямирно сплю, но внезапно меня будит стук в дверь. Я вскакиваю на ноги и, пошатываясь, иду к двери. Распахиваю ее, сонно моргая и едва понимая, что происходит.

Передо мной стоит один из личных стражей принцессы Суры. Я понимаю это, потому что на нем цвета ее дома, напоминающие перья павлина, а на его нагрудном знаке изображена фиалка.

Он не высший фейри – это очевидно. Высшие фейри отличаются художавостью и грациозностью. А этот не худой. И не изящный. Он сложен как медведь, и, хотя они с Ронаком совсем не похожи, меня одолевает тоска.

И если Ронак крупный, с идеально точеными мышцами, то этот фейри громоздкий и широкий, с такими же впечатляющими мускулами. У него на голове густой длинный ирокез, красный как знак «Стоп».

В носу у него золотое кольцо.

– Боги, однозначно было больно, – говорю я, указывая на пирсинг. – Больно, да? Неважно, можешь не отвечать. Осмелюсь я на подобное, то ревела бы в три ручья. Однажды я весь день наблюдала за тату-салонем. Мне нравятся парни с татуировками, так что место было просто идеальным. – Страж ничего не отвечает, поэтому я пожимаю плечами и продолжаю: – Ну, в общем, какой-то девушке проко-

лоли соски. Соски! И, как будто этого мало, прокололи там, *внизу*, – насмешливо шепчу я, показывая на свой пах. – Я тогда даже не знала, что такое делают. Наверное, *это* еще хуже, чем нос проколоть? – Он все еще молчит, поэтому я продолжаю: – Она не плакала, но только потому что была под кайфом, я уверена. Она все время хихикала и говорила о вареных яйцах. Это ненормально. Если я когда-нибудь решу сделать пирсинг, то тоже сначала накачаюсь наркотиками. Ты принимал наркотики, когда тебе прокалывали нос? Подожди... какие наркотики есть у фейри? Держу пари, действенные.

Я выжидающе смотрю на стража, но по выражению лица понимаю, что лишила его дара речи.

Когда я наконец перестаю смотреть на кольцо в носу фейри, понимаю, что он довольно красив. Вокруг радужки глаз очерчен красный круг, который вторит цвету волос. Еще я понимаю, что его взгляд направлен на мою грудь.

Я смотрю вниз. Оказывается, ночная сорочка сползла вниз из-за прорехи на спине, и грудь выставлена напоказ. Я сразу же натягиваю сорочку, и тогда его взгляд переходит на красные крылья за моей спиной. Я смущаюсь.

Черт. Мне стоит сначала думать, и только потом открывать дверь незнакомцам.

– Надеюсь, тебя прислала принцесса? – спрашиваю я. Страж кивает, и я вздыхаю от облегчения. – Хорошо. Тогда входи.

Я поворачиваюсь, пропуская его в комнату. Войдя, он замирает. Все его крупное тело напрягается, и он поворачивает голову в мою сторону.

Без всяких предисловий он приближается к изгибу моей шеи и *обнюхивает* меня.

Да. Обнюхивает.

Я цепенею от его горячего дыхания на моей коже.

– Что происходит?

Я незаметно принохиваюсь к подмышке, на всякий случай. Хм, никакого неприятного запаха. Страж с большой неохотой отстраняется, и я понимаю, что красные ободки его радужек увеличились и... пульсируют.

– С твоими глазами происходит какая-то чертовщина. Ты, типа, сходишь с ума? У тебя припадок? Я плохо пахну? Потому что я принимала ванну. Прекрати так делать, это странно.

Его ноздри раздуваются, и он закрывает глаза, снова втягивая воздух. Когда страж открывает их, красный цвет в его глазах утихает. Очень низким, сиплым голосом он говорит:

– Ты не пахнешь плохо. Твой запах... – он запинается, не в силах подобрать нужные слова. – Ты моя пара.

Мои брови взлетают на лоб, и я открываю от удивления рот. И прежде чем я успеваю что-то сказать, он притягивает меня к себе за шею и накрывает мои губы своими.

Ого.

Поцелуй не мягкий, не вежливый и даже не настырный.

Он означает лишь одно: страж на меня претендует.

И да, я позволяю ему это, потому что он очень хорошо целуется. Поворот лица, прикосновение к волосам, сосание языка – все это он проделывает замечательно.

Плюс каждый раз, когда страж вдыхает, он как будто пытается впитать меня.

Проходит несколько горячих и тяжелых секунд, прежде чем я открываю глаза и нахожу в себе силы оттолкнуть его. Страж не двигается.

Он слишком огромен, и моих жалких сил не хватает. И давайте признаем, я не очень-то и пытаюсь.

Конечно, именно в этот момент я замечаю, что пропала не только кисть, но и рука до самого плеча. Я пишу стражу в рот. От этого звука он наконец открывает глаза и отстраняется.

Я шокированно пялюсь на свое плечо.

– О нет, о нет, *о нет*.

Он касается моего плеча, внимательно смотрит на то место, где должна быть рука, и хмурится.

– Принцесса Сура предупредила меня об этом, – гудит он. – Поэтому она и прислала меня к тебе. Я должен охранять тебя и наблюдать, на случай, если ты совсем исчезнешь.

Услышав, что я могу полностью уйти в Завесу, я замираю от ужаса и чувствую, как глаза щиплет от слез. Страж заставляет меня посмотреть на себя, нежно касаясь щеки.

Его ладонь такая большая, что он практически накрывает половину моего лица, заставляя меня улыбнуться сквозь слезы.

– Я в порядке, – говорю я. Я вытираю глаза и отступаю. Он убирает руку.

Я чувствую, что мои губы опухли от его столь дерзкого приветствия.

– Итак... я не буду жаловаться на поцелуй, потому что мы оба знаем, что мне понравилось, но... кто ты?

Он смущается.

– Прошу прощения, если напугал тебя. Обычно я так себя не веду. Я благородный фейри, клянусь. Запах пары застал меня врасплох, – искренне говорит он.

От того, как умоляюще он на меня смотрит, я таю.

– Я Окот, возлюбленная моя.

Мои брови снова взлетают.

– Твоя возлюбленная?

Он кивает.

– Да. Я ламашту¹. Мы мгновенно узнаем свою пару, когда улавливаем ее запах. Твой запах. Он опьяняет. Я хочу поцеловать тебя еще раз.

Я ухмыляюсь.

– Понравилось, да?

– Конечно, – отвечает он очень серьезно и бросает взгляд

¹ Ламашту – в аккадской мифологии львиноголовое хтоническое божество, демон, насылающий болезни на детей и уносящий их в царство мертвых.

поверх моей головы. – У тебя красные крылья.

Я оглядываюсь через плечо.

– Ага. Как и твои волосы. И глаза. Мы подходим друг другу.

Теперь наступает его очередь ухмыляться.

– Да.

За окном серо, и я понимаю, что еще совсем рано. Еще даже колокол не звенел. Моя комната кажется крошечной, когда в ней находится Окот. Он занимает так много места, что выглядит почти комично.

– Итак, Окот. Чего хочет от нас принцесса Сура? Как видишь, дела мои все хуже, – говорю я, приподнимая растворяющееся в пространстве плечо.

– Я не дам тебе исчезнуть, – заявляет он со всей серьезностью.

Оу.

– Это мило, но я не уверена, что это можно остановить.

– Мы найдем способ.

Боги, мы только познакомились, а он уже стал моим заступником.

Я так и знала. Я невероятно привлекательна. Не зря ведь генфины были так быстро мной очарованы. Этот парень от меня без ума, и я от этого в восторге. Жаль, что парни этого не видят.

– Жаль, что я не встретила тебя раньше. К сожалению, я находилась в другом мире. И в другом измерении. Я бы

с удовольствием стала твоей парой еще тогда.

Страж хмурится.

– Раньше?

– Да, – разочарованно вздыхаю я и сажусь обратно на кровать, чтобы одной рукой распуścić и так распавшуюся косу.

Волосы путаются, я разочарованно вздыхаю, но чувствую, как кровать прогибается. Окот садится позади меня и берет за дело. Нежность, с которой он медленно распутывает мои волосы, не вяжется с его неуклюжим видом, и от этого я улыбаюсь.

– Почему раньше? – тихо переспрашивает он, в его тоне заметно напряжение.

Я колеблюсь.

– Принцесса Сура рассказала тебе, кто я?

– Рассказала. Но она взяла с меня клятву хранить тайну, так что можешь не беспокоиться. Она сказала мне, что ты Купидон, хотя, признаюсь, я не знаю, что это значит. Еще она рассказала мне, что сильная магия принца проявила тебя в материальном мире, но эта магия угасает, потому что рядом нет твоих якорей. Она доверила эту информацию только мне. Я служу принцессе и ее семье уже много лет. Ты можешь мне доверять.

Я киваю.

– Ну, помимо того, что мне не место в этом мире, и что я, вероятно, полностью исчезну через несколько дней, если не смогу добраться до якорей... есть еще одна вещь, которую

ты должен знать.

– Какая? – спрашивает он, массируя крупными пальцами кожу головы, и от этого бегут мурашки. Думаю, я просто выложу все как есть. Не люблю я ходить вокруг да около. Какой в этом смысл? Никакого, вот именно.

– Что ж, видишь ли, есть одна стая генфинов...

Глава 9

– Эти генфины мне важны. *Очень* важны, надеюсь, ты понимаешь, – объясняю я.

Пальцы Окота замирают. Я поворачиваюсь и смотрю на него, оценивая выражение лица. Он выглядит так, будто я только что вытащила из банки последнее печенье и растоптала.

– О, не смотри на меня так. Мне жаль. Я ничего не знала про запах пары. Может, это просто совпадение? Может, ты просто *думаешь*, что я твоя пара, потому что Купидоны пахнут иначе?

Страж качает головой.

– Нет. – Он наклоняется ко мне и ведет носом от макушки до плеча. – Нет. Этот запах. Он зовет меня. Ты моя пара.

Я прочищаю горло, потому что его обнюхивание определено на меня действует. В хорошем, сексуальном смысле. Обнюхивание – не совсем эротичный процесс, но с Окотом оно ощущается иначе.

Я хочу лежать в подушках, пока он проводит щетиной по моей коже и хорошенько работает носом.

Он прочищает горло.

– Эти генфины... это те, что в тюрьме?

– Да.

Я меньше всего хочу причинить Окоту боль. Богиня зна-

ет, как долго я ждала, чтобы кто-то отдал мне свое сердце. Но не сказать правду было бы нечестно. Окот слишком очаровательный и искренний. В отличие от всех других фейри в этом проклятом замке. Он не притворяется, и мне это нравится. Он не скрывает своих чувств и говорит что думает. Совсем как я.

И от того, как он смотрит на меня, будто хочет остаться со мной навсегда, мне тоже хочется остаться с ним. Не верите в любовь с первого взгляда? Пф. Я создала эту фигню. Однажды я обставила все так, что двое влюбились друг в друга всего за четыре минуты. На заправке. Пока уплетали хот-доги под соусом чили. Да. Вот настолько я крутая.

– Мне жаль, – говорю я. – Но я не знаю, получится ли у нас, если...

Я не успеваю договорить, потому что Окот наклоняется, его лицо оказывается в изгибе моей шеи, и он снова глубоко вдыхает. Этот большой парень никак не может мной надыхаться.

Откинувшись назад, он смотрит на меня, и его голос звучит еще ниже, чем раньше.

– Теперь ты.

Мое сердце отстукивает миллион ударов в минуту.

– Что?

Когда мой голос стал таким хриплым?

Он отводит голову в сторону и оголяет шею.

– Теперь ты.

Я вдруг чувствую неловкость, но у него такое горячее выражение лица, что я, не успев опомниться, уже вдыхаю его запах.

И... святая мать парного запаха. Я только что застонала?

– Ты пахнешь... ты пахнешь... – Я не успеваю вымолвить ни слова, как снова вдыхаю. – Ты пахнешь теплом. Солнечным светом на деревьях. Или костром в зимнее время. Пряностью. Самой сладкой на свете пряностью. *О, боги.*

Я чувствую, как его огромная лапа снова накрывает мой затылок, а затем мы одновременно вдыхаем запахи друг друга.

– Я подумал об этом, – говорит он, прижимаясь носом к моей щеке.

Я чувствую холод металлического кольца на своей раскрасневшейся коже.

– А? – Мой голос все еще хриплый, а носом я утыкаюсь в его шею, словно голодный вампир. – Подумал о чем?

– О том, что придется оставить тебя генфинам.

Мои глаза распахиваются, и я отстраняюсь. Разочарование захлестывает с головой. Да, я только-только встретила его. И что? Я хочу, чтобы он остался со мной, черт возьми.

– О.

– Я подумал об этом и решил, что этого не произойдет.

Во мне вновь загорается надежда.

– Не произойдет чего?

– Что я тебя оставлю. Ты моя пара. Я – твоя. Раз в твоём

сердце есть любовь к другим, я приму и их, – говорит Окот романтично. – Если только они не причинят тебе боль. Если они причинят тебе боль, я покончу с ними.

Последнюю фразу он произносит с такой уверенностью, что я понимаю – эта угроза не на словах. И по его огромным размерам понимаю, что даже Ронаку будет трудно сойтись с ним лицом к лицу. Я похлопываю стража по огромному предплечью, чтобы осознать это.

Я снова ухмыляюсь. Ничего не могу с собой поделатъ. Этот здоровый, красивый плюшевый фейри только что объявил меня своей парой. От него очень вкусно пахнет, и он играл с моими волосами. К тому же он целуется как бог.

Собираюсь ли я сопротивляться ему? *Да ла-а-адно.*

– Ну, хорошо. По-моему, звучит недурно.

Кажется, он удивлен моим согласием.

– Звучит хорошо?

– Да. Мы пара. А есть какой-то особый ритуал, который мы должны провести?

– Наша связь будет подтверждена, когда мы займемся сексом.

Ну, брачный секс звучит отлично. Вот только мы действительно только что встретились, и...

– Может быть, можно все оформить бумажно?

Окот поник.

– Ты не хочешь быть моей парой? Ты отвергаешь нашу связь?

Из-за его полного разочарования взгляда я спешу объяснить.

– Нет! То есть да. То есть... боги, – выдыхаю я. Потрясающее красноречие, Эмили. Я произношу по-настоящему гениальные вещи. – Я пытаюсь сказать, что мне бы хотелось узнать друг друга получше. Я не отвергаю нашу связь. Вовсе нет. Любая, кто отвергла бы тебя, оказалась бы самой большой дурой в любом из миров. И я говорю это не только потому, что ты очень сексуальный. Хотя, если честно, это ощутимый плюс. Мне нравятся твои ирокез и пирсинг. – Он ухмыляется. – И, судя по тому, как ты целуешься, в постели ты тоже хорош. Поверь мне, я десятилетиями мечтала о потрясающем сексе. Но помимо того, что мы познакомились всего пятнадцать минут назад, я сейчас вроде как исчезаю, а моим генфинам светит отбор, и я просто...

Окот останавливает меня, положив руку на шею. Нежно поглаживает большим пальцем. Его прикосновение собственническое и в то же время сладкое. Я чувствую, как исчезает беспокойство.

– Тебе не нужно больше ничего объяснять. Я так долго ждал тебя. И буду дорожить проведенным вместе временем. Когда ты будешь готова, мы подтвердим нашу связь. Спешить некуда. Пока ты не отвергла меня, я счастлив. Договорились?

Я вздыхаю с облегчением.

– Хорошо. Спасибо, что понял.

– Можно я снова тебя поцелую? – спрашивает он.

Я уж думала, он никогда не спросит.

Я прижимаюсь губами к его губам. Не успев опомниться, я оказываюсь на спине, мои пальцы путаются в красном ирокезе, а руки Окота обхватывают мое лицо. Боги, какой же он. За опасной внешностью скрывается очень нежное сердце.

Прежде чем все заходит слишком далеко, раздается еще один стук в дверь, а затем внезапно в комнату врывается Дуру и хмуро смотрит на нас сверху вниз.

Она наклоняется и отвешивает Окоту подзатыльник, заставляя его заворчать, но подняться. Несмотря на то, что он выше Дуру на целых три фута, под ее взглядом он выглядит очень виновато.

Положив руки на бедра, брауни смотрит на нас, поправляющих одежду и волосы, как на парочку озабоченных подростков, которых она только что поймала за трибуной.

– Что вы себе позволяете?

– Простите, леди Дуру, но Эмили Купидон – моя пара.

Он произносит «Купидон» словно это моя фамилия и объявляет меня своей парой, будто это исчерпывающий ответ на любой вопрос, который может задать Дуру. Мне нравится его подход.

Дуру вздыхает от отчаяния, а затем начинает поднимать грязную одежду, которая лежит у меня на полу. Она не может удержаться.

– Пара вы или нет, но принцесса Сура послала тебя сю-

да не для того, чтобы ты мог делать все что хочешь с мисс Эмили.

Окот вытягивается по струнке.

– Да, госпожа.

Я встаю и пытаюсь скрестить руки на груди, но в итоге просто неловко прижимаю левую ладонь к животу. Уф. Одна рука – это ужасно.

– Эй, не кричи на него. Может, это я на *него* набросилась.

Дуру фыркает в ответ на мою жалкую попытку защитить парня, которого я только что встретила. Она решает вытереть пыль с подоконника уголком своего фартука.

– Неважно, кто из вас решил поступить столь безответственно, но на подобные шалости нет времени. Принцесса только что прислала меня к вам с новостями.

– Какими новостями?

– Об отборе. Он начинается сегодня.

Мое сердце застревает в горле.

– Сегодня?

Дуру встает на четвереньки и начинает оттирать пятно на полу, которое, я уверена, лишь составляет рисунок камня. Она хмурится оттого, что оно не оттирается.

– Да. Одевайся и спрячь крылья. Мы с Окотом отведем тебя к порталу. Заключение покинут замок в течение часа.

Черт. Мы должны успеть, иначе я погибну.

Окот, должно быть, понимает, в какой я панике, потому что снова прикладывает руку к моей щеке и заставляет

на него посмотреть.

– Что случилось?

– Мне нельзя быть от них далеко. Если это произойдет, то пока-пока, Эмили. Нельзя, чтобы они ушли через портал без меня.

Меж его густых красных бровей появляется морщина.

– Я не дам тебе исчезнуть.

Он поворачивается к Дуру, которая все еще оттирает пятно на полу.

– Нам нужно точно знать, как и когда их переправят.

Дуру поднимается на ноги, но продолжает сердито глядеть на пол, словно не верит, что пятно ей не поддается.

– Всех заключенных, участвующих в отборе, отправят порталом рядом с башнями.

– Когда?

– Я уже сказала: в течение часа.

– Этого недостаточно, – возражает он. – Нам нужно знать точное время.

– Я что, похожа на тюремного стража? – огрызается Дуру.

Они буравят друг друга взглядами, и я осторожно встаю между ними.

– Ладно, вы двое. Давайте просто сосредоточимся на той проблеме, до которой ладошкой подать. – Я смотрю вниз на свою невидимую конечность. – Или, в нашем случае, всей рукой.

Никто не смеется над моей глупой шуткой. Я бросаю

взгляд на Окота. Разве истинная пара так поступает? Он пытается улыбнуться, но мы оба знаем, что момент упущен.

– Могу ли я как-нибудь пройти с ними через портал? – с надеждой спрашиваю я.

Дуру качает головой и трет кучерявые брови. Мне так и хочется провести по ним пальцем и посмотреть, как быстро волоски вернутся на место.

– Нет, определенно нет. Тебя сразу же схватят, если ты появишься рядом.

– Ладно... тогда можем ли мы каким-нибудь образом сделать так, чтобы я прошла через свой портал в то же время, что и парни через свой?

Дуру и Окот молчат, обдумывая мои слова.

Через мгновение Дуру шелкает пальцами и выпаливает:

– Феечки!

– Будь здорова.

Она бросает на меня хмурый взгляд.

– Что?

– Ничего.

Она вздыхает.

– Мы можем воспользоваться помощью феечек. Они могут говорить друг с другом на расстоянии. Нужно послать одну к заключенным, а вторая останется с нами.

– Их не заметят?

– Нет. Они крохотные, не больше бабочки.

– Хорошо, отлично. Как их уговорить?

Дуру слюнявит уголок своего фартука и начинает полировать дверную ручку.

Буквально. Я не шучу.

– Они любят брюссельскую капусту, – отвечает она задумчиво.

Стоящий за моей спиной Окот смеется.

– Невозможно. Никто не любит брюссельскую капусту.

Дуру пожимает плечами.

– По крайней мере, я слышала, что это так.

Я никогда не пробовала брюссельскую капусту и не видела феечек, так что кто я такая, чтобы знать, что к чему?

– Ладно... мы можем где-то раздобыть мерзкие кочанчики и приманить феечек?

Дуру кивает и опускает руки. Моя ручка теперь практически сверкает. Моя *дверная* ручка. Ну и дела.

– Эмили, собирайся. Надень что-нибудь, чтобы скрыть твою... невидимость. – Ну и выражение. – И не суйте языки друг другу в рот, пока меня нет, – строго добавляет она.

– Есть, мэм, – отвечаю я.

Дуру пыхтит и уходит. Как только за Дуру закрывается дверь, Окот обхватывает мое лицо руками и снова целует меня.

Я отстраняюсь и пристально на него смотрю.

– Если ты моя пара, ты должен смеяться над всеми моими шутками, – назидательно говорю я.

Окот со всей серьезностью кивает.

– Конечно, возлюбленная моя. Я больше тебя не подведу.
Я улыбаюсь. Быть парой – забавно.

Глава 10

Портал похож на вертикальный водоворот, подвешенный прямо в воздухе. Он установлен во внутреннем дворе замка, и через него каждую минуту или около того проходят фейри, которых вызывают из очереди стражи, отвечающие за портал. Я стою впереди вместе с Окотом и Дуру, но Дуру каждый раз качает головой, и я пропускаю фейри вперед.

Стражи, следящие за порталом, бросают на меня любопытные взгляды, но поскольку со мной Окот, они ничего не говорят по поводу моей нерешительности.

Я задираю голову и понимаю, насколько у Окота суровое выражение лица. На месте стражей я бы тоже смолчала. Потом я вижу, как Дуру слегка наклоняет голову, прислушиваясь к крошечной феечке, которая спряталась в ее кудрявых волосах. Никто и не догадывается, что здесь феечка.

Дуру снова качает головой, я вздыхаю и поворачиваюсь к группе из трех слуг.

– После вас.

Фейри удивленно на меня смотрят, но пользуются возможностью, идут к стражам и исчезают в портале. Я думаю, что их удивление в большей мере вызвано моей одеждой. В этом наряде жарче, чем в тарелке с перечным супом.

Плащ предназначен для зимы, но больше мне нечем скрыть пропавшую руку. Я стою под палящим солнцем,

и каждая минута кажется часом, да еще и обуться пришлось в туфли на каблуках. Ноги болят жутко. Зато зад выглядит великолепно.

Я чувствую, как все сильнее прижимаюсь к Окоту. Наконец он обнимает меня рукой за талию и помогает стоять. Боги, какой он заботливый.

Я бы запрыгнула ему на спину и заставила нести меня, если бы не все эти чертовы любопытные фейри. Думаю, он позволил бы мне это сделать.

Окот почти все время молчит, но я и так знаю, что он человек немногословный. В отличие от меня. И всех остальных в очереди, очевидно. Все возбужденно обсуждают отбор, отчего я нервничаю все сильнее. Я слышу, как фейри уже делают ставки и рассуждают о том, кто из заключенных победит. Судя по всему, «претендентов» около двух десятков. Я не знаю других заключенных и не знаю, сильнее они или слабее моих генфинов, но мне очень не нравится ажиотаж вокруг фейри по имени Дракон. Судя по всему, он злобный мерзавец. Я не хочу, чтобы его выставили против моих парней.

Я пропускаю еще четыре группы, и вот наконец, Дуру начинает кивать, услышав феечку.

– Они следующие, – шепчет Дуру. – Приготовьтесь, нужно немного потянуть время.

Я киваю и подхожу к стражам.

– Наконец-то решились? – спрашивает один из них.

Я нервно смеюсь.

– О, да. Я просто нервничаю, понимаете? Это мой первый раз и все такое. Можно сказать, вы лишаете меня порտальной невинности.

Страж кашляет, будто ему слюна попала не в то горло. Он тарашится на меня, а его зеленые щеки темнеют от смущения.

Окот сверкает глазами.

– Нет.

Страж бледнеет, а затем быстро отводит взгляд, словно пытаясь избавиться от похотливых мыслей, которые роятся у него в голове, лишь бы Окот не уложил его одним ударом.

– Так, эм, это... эм... мне нужны только имена и звания.

– Офицер Окот. Личный страж принцессы Суры, сопровождаю Дуру и Эмили, личных служанок принцессы, – отвечает Окот, все еще недобро глядя на стража.

Второй страж записывает нас, а первый робко кивает, глядя куда угодно, только не на меня.

Дуру хватает меня за руку и сжимает.

– Они уже проходят! – шепчет она.

Я судорожно смотрю на стражей, но они все еще записывают и проверяют наши имена. Черт. Я *не* собираюсь становиться невидимкой из-за чертовой бюрократии.

Прежде чем стражи успевают остановить меня, я проталкиваюсь мимо них к порталу и прыгаю.

Порталы – штука странная. Я словно мокрая. Как будто

прыгнула в бассейн со слизью. И в то же время кожа словно покрыта пылью. Затем возникает ощущение вращения. Только это мир вращается, а я стою на месте. Потом я падаю. Я определенно падаю. *Или взлетаю?*

Я вываливаюсь из портала и тяжело приземляюсь на ноги. К несчастью для меня (и моих ног), я все еще на каблуках, поэтому обе лодыжки подворачиваются, и я падаю на землю лицом.

Из легких выбивается воздух, но прежде чем я успеваю встать самостоятельно, сильные руки Окота обнимают меня и помогают оказаться на ногах.

Я морщусь от боли в лодыжках, и Окот хмурится.

– Тебе больно.

– Каблуки ужасны.

Прямо за нами появляется Дуру, и нас отпихивает в сторону скупающий страж.

– Пошевеливайтесь.

Я шагаю через боль. Окот подхватывает меня на руки и несет. Я практически таю в его объятиях и зарываюсь лицом в его грудь, чтобы вдохнуть запах.

– Запах пары – штука просто потрясающая.

Я слышу одобрение в его низком урчании, пока он обнюхивает мои волосы.

– Вы двое, прекратите или нет? – зло спрашивает Дуру.

Я оглядываю новый остров. Мы находимся на вершине холма. Далеко внизу я вижу огромный амфитеатр. Громад-

ный.

– Это здесь проходит отбор?

– Да, – кивает Дуру, недовольно глядя на амфитеатр. – По мне, так это просто изощренный способ казнить неугодных. Не обманывайтесь помпезностью. Принц не хочет, чтобы кто-то из изгнанных фейри остался в живых. Он сам придумал испытания отбора, чтобы лишь единицы могли пройти их целыми и невредимыми.

Я решительно стискиваю челюсти, хотя внутри все обрывается от страха.

– Мои парни обязательно выживут.

Окот поворачивается и направляется подальше от портала. На другой стороне холма я вижу сотни квадратных деревянных зданий.

– Что это?

– Это домики, в которых будут жить фейри в течение недели, пока длится отбор.

– Хм. Даже принц и принцесса остановились в одном из них?

Дуру бросает на меня взгляд, ясно значащий «Нет, идиотка», а затем показывает себе за спину.

– Монаршая семья будет жить там.

Замок.

Конечно, замок. Не такой большой, как дворец в Хайвейле на Королевском острове, но тоже ничего.

– Да, это куда логичнее, – соглашаюсь я.

Замок из серого камня окружен лугами и соединен с деревянными домиками и амфитеатром поодаль единственной грунтовой дорогой.

– Поскольку тебе хуже, ты будешь жить в одном домике с Окотом, – поясняет Дуру. – Мое место рядом с принцессой, поэтому, пока мы здесь, мы не будем встречаться. Только в том случае, если принцесса захочет передать тебе сообщение.

– Хорошо.

Дуру смотрит на нас.

– Ведите себя хорошо. Не высовывайтесь, и вот, – она протягивает Окоту сумку. – Осталось немного краски, вдруг нужно будет подкрасить кожу. И новая одежда. Когда ты, Эмили, пойдешь смотреть отбор, оденься как младшая дворянка, а не служанка, иначе тебя никуда не пустят. Окот попытается выяснить, где держат твоих генфинов. Но не дай тебя схватить.

– Всегда знала, что нравлюсь тебе.

Дуру фыркает, но я вижу, что на ее губах играет едва заметная улыбка.

– Моей принцессе никакого прока от тебя мертвой.

Я хихикаю.

– Ты такая добрая.

– И, если тебя поймают, я буду отрицать, что мы знакомы.

– Прекрати, твоя преданность меня смущает.

Дуру закатывает глаза и начинает спускаться с холма

к замку.

– И не надо так часто обнюхивать друг друга на людях. Это неприлично, – говорит она через плечо.

– Значит, феири могут заниматься грязным сексом в разгар вечеринки, но, если паре нравится запах друг друга, то это неприлично? – спрашиваю я, смотря на Окота.

Он пожимает плечами. Феири странные.

– Эй, как ты сказал, кто ты?

– Ламашту.

– О... точно. Ламашту. Да. Конечно.

Окот окидывает меня взглядом.

– Ты ведь понятия не имеешь, что это такое?

– Даже не представляю.

Он ухмыляется, показывая крупные зубы.

– Я тебе покажу. Сможешь стоять?

Я киваю, и он осторожно ставит меня на ноги. Лодыжкам еще больно, но не слишком. Я крепкая.

Окот делает несколько шагов назад, а потом горбится. Вот он только что был передо мной, а через мгновение на его месте оказывается исполинский крылатый бык.

А. Исполинский. Крылатый. Бык.

– Ого. Свя-я-ятая корова! – восклицаю я.

И смеюсь над собственной непреднамеренной шуткой, потому что ну смешно же!

Как и в человеческой форме, на его голове ярко-красный ирокез и золотое кольцо в носу. И он огромный. Копыта раз-

мером с мою голову.

Кроме ирокеза, все его тело черно. Я подхожу ближе, и Окот рвет копытами землю. Я протягиваю руку, чтобы погладить его, но колеблюсь. Он наклоняет голову, чтобы ткнуться носом в мою руку. Я смеюсь.

– Ты очаровательный.

Он недовольно рычит.

– О, точно. Я имею в виду... ты очень сильный. Лютый. Свирепый. Пугающий. Большой. И... – я выдыхаю, не находя больше слов. – Достаточно мужественных прилагательных? У меня закончились идеи.

Окот снова рычит, и я думаю, что прощена. Без предупреждения он возвращается в форму фейри.

– Впечатляет. Ты самый красивый летающий бык, которого я когда-либо видела.

Он наклоняет голову и смотрит на меня.

– Мне приятно, что ты довольна моей формой ламашту.

Я оглядываю его с ног до головы. Это не единственная форма, которой я довольна.

– Покатаешь меня как-нибудь?

Он кивает.

– Конечно, возлюбленная моя.

Возлюбленная. Ха. Каждый раз пробирает.

Наконец-то и этот Купидон получил немного любви.

– Пойдем, найдем наш домик, и ты сможешь отдохнуть.

Я так и привыкнуть могу к постоянной заботе.

– Мне нужно их увидеть, – говорю я, останавливая его прикосновением к руке.

Окот вздыхает, словно боялся, что именно это я и скажу. Он внимательно смотрит на меня и кивает.

– Я все устрою.

Глава 11

Окот верен своему слову. Мы занимаем домик, и вскоре он уходит, чтобы узнать, можем ли мы как-нибудь добраться до генфинов.

Тем временем я переодеваюсь из униформы служанки в тонкое платье и туфли на каблуках, которые оставила мне Дуру. Моя кожа все еще темно-розовая, совсем как у высшей фейри, и хоть об этом беспокоиться нет нужды. Но я должна привести себя в порядок, раз хочу сойти за благородную. Даже низшие дворяне не ходят с растрепанными косами и без макияжа.

Окот возвращается только к ночи. Я мечусь по домику, как раненый зверь, и, когда Окот входит, чуть ли не выпрыгиваю из собственной кожи.

– Где ты был? Я так волновалась! Я думала, тебя поймали или еще хуже.

Он склоняет голову, словно моя паника сбивает его с толку.

– Прошу прощения, возлюбленная моя. Я не хотел, чтобы ты переживала.

– Что случилось? Тебя не было несколько часов.

– Пойдем, – говорит он, протягивая мне руку.

Глядя на него с любопытством, я вкладываю в его ладонь свою маленькую ладошку, и мы выходим наружу.

Через портал на холме все еще прибывают феири. Другие толпятся у домиков. С утра начнется отбор, хотя я понятия не имею, во сколько это произойдет и чего от него ожидать.

Окот ведет меня мимо домиков к амфитеатру. В ночи тот выглядит зловеще. Размеры внушают страх. У одного из входов стоит страж, но он лишь кивает Окоту, когда мы заходим внутрь.

Далее Окот ведет меня по извилистому коридору, и в итоге мы оказываемся за кулисами. Только вместо гримерки здесь тюремные камеры. Здесь несет службу другой страж, и его пристальный взгляд встречается со взглядом Окота.

– Десять минут. Не больше.

Окот кивает и тянет меня к камерам. Страж закрывает за нами дверь, и в помещении становится темнее, чем раньше. На стене висит одинокий фонарь, но он отбрасывает больше теней, чем дает света.

Мы двигаемся дальше, и я чувствую, как мучившая меня все эти дни боль в животе заметно уменьшается. Тело покалывает, и не только от предвкушения. Это магия якорей пытается меня ухватить. Бесплотная рука гудит.

Мы проходим мимо камер. Я замечаю, что все они немного отличаются друг от друга. В дверях некоторых есть решетки, другие же полностью закрыты камнем или деревом. Одна целиком сделана из железа. Кое-кто из пленников видит нас, но никто не произносит ни слова.

В самом конце коридора я нахожу своих генфинов. Я под-

бегаю к их камере, хватаюсь рукой за прутья решетки и не могу сдержать всхлипа. При этом звуке три фигуры, лежащие на твердом полу, слегка вздрагивают.

– Окот, ты можешь принести фонарь? – шепчу я.

Он поворачивается и идет за ним, а я продолжаю смотреть внутрь камеры. Окот возвращается и вешает фонарь рядом, чтобы я могла получше рассмотреть парней. От представшей перед глазами картины во мне вскипает злость, и я сжимаю челюсти.

Мои парни свернулись калачиком на твердом каменном полу. Они грязные, и я могу только представить, насколько они стеснены и изголодались. Им не дали ни одеял, ни соломенных тюфяков. В углу стоит ведро, которое, я уверена, наполнено отнюдь не водой.

– Парни? – зову я, мой голос дрожит.

При звуке моего голоса три головы поднимаются как по команде. Генфины тут же просыпаются. Эверт встает так быстро, что я даже не успеваю заметить движение. Он оказывается передо мной, на его усталом лице такое выражение, словно он боялся, что никогда больше не увидит меня.

– Черт возьми, Чесака. Я волновался.

Я не могу сдержать слез. Они сами льются по щекам.

– Я тоже, – надломленно отвечаю я. – Я так скучала по вам, парни.

Я пытаюсь запомнить его лицо, густую черную бороду и ярко-голубые глаза. Ямочек не видно, но я знаю, что они

есть. Я перевожу взгляд на Силреда и Ронака, когда они подходят ближе и встают по бокам от Эверта. Генфины стоят передо мной, и я хочу лишь оказаться в камере вместе с ними.

– Не плачь, – тихо говорит Силред.

– Да, меня чертовски убивают твои слезы, – вторит ему Эверт.

Я поднимаю руки, чтобы стереть слезы, но неловко останавливаюсь. Эмили, у тебя все еще нет руки. Да неужели?

Взгляд Ронака останавливаются на моем пустом рукаве.

– Что случилось?

Его сильные руки цепляются за прутья так сильно, что костяшки белеют. От его пристального взгляда замирает сердце. Оно всегда приходит в восторг, когда Ронак включает альфу.

– Ничего, – говорю я, быстро отстраняясь.

Но недостаточно. Ронак просовывает руку между прутьями, хватает пустой рукав и неловко дергает меня на себя.

Окот внезапно подходит ко мне сзади и мягко, но крепко берет меня за другую руку. Сейчас начнется соревнование по перетягиванию каната, и канатом буду... ну, я.

– Не веди себя с ней так грубо, – рычит Окот.

Генфины наконец замечают его, и воздух трещит от напряжения.

Взгляд Эверта перебегает с меня на Окота, а затем обратно.

– Кто это, черт побери, такой, Чесака?

Хм. Как их представить друг другу... Я открываю рот, чтобы ответить, но чувствую, как Окот подходит ближе и прижимается грудью к моей спине. Чувствуя его, я не могу не расслабиться, и это заметно.

Неужели на их лицах промелькнула ревность? Я слегка вздрагиваю. Мне не должно нравиться, что они ревнуют, но... Да. Мне нравится.

– Ты в порядке? – спрашивает Окот, игнорируя направленные на него взгляды.

– В порядке.

Окот слегка ослабляет хватку на моей руке, но сначала он наклоняется и вдыхает аромат моих волос.

– Какого черта? Не нюхай ее, – зло требует Эверт.

– Все нормально. Мы нюхаем друг друга. Это наша фишка, – объясняю я.

Генфины лишь сильнее хмурятся.

– Так. Познакомьтесь. Окот, Эверт – тот, кто постоянно бранится. Силред – тот, что милый. А тот мускулистый и хмурый – Ронак. Парни, это Окот. Я его пара, – говорю я, играя бровями.

Генфины недоверчиво на меня смотрят. Эверт потирает переносицу и закрывает глаза, словно не может вынести моих слов. Я уверена, что слышу, как он считает себе под нос.

Он поднимает глаза на Силреда.

– Ее не было всего неделю. Чертову. Неделю. И у нее теперь есть пара?

– Я здесь, и ты можешь говорить со мной напрямую.

Он качает головой, все еще глядя на Силреда.

– Нет, не могу. Потому что если я посмотрю на тебя, то мне придется посмотреть и на него, а если я посмотрю на него, то мне захочется перерезать ему его чертово горло. И, судя по размерам твоей так называемой пары, это, вероятно, ничем хорошим для меня не закончится.

Я не могу удержаться и хмыкаю.

– Ты бы видел его бычью форму.

Эверт откидывает голову назад и вздыхает.

– Отлично. Чертов ламашту.

Силред протягивает руку через решетку, чтобы пожать руку Окоту.

– Я Силред. Приятно познакомиться.

Видите? Всегда самый дружелюбный из этой тройки.

Эверт надвигается на Ронака.

– Это ты виноват.

Ронак хмурится.

– Я? Каким образом?

– Ты вел себя как козел, и теперь у нее появилась пара!

Ронак сжимает челюсть.

– Пошел ты.

– Ага. Я и хотел пойти с ней, но ты навешал какой-то чуши про стаю и сыграл на моем чувстве вины, так что я ничего не сделал. Говорил я вам, идиотам, что все так и будет. Я говорил вам, что она уйдет. И предупреждал, что, если это

случится, для меня со стаей будет покончено. Хочешь побегать за хвостиком какой-нибудь генфинки? Дерзай. А с меня хватит.

Эвэрт злится. По-настоящему сильно злится. От того, как он смотрит на Ронака, у меня сводит живот. Я почти уверена, что они вот-вот перейдут в звериную ипостась и набросятся друг на друга. Я не хочу, чтобы они делали друг другу больно.

Еще больше я не хочу, чтобы они разрушили то подобие мира, которое удалось построить за последние пару недель. Я знаю, что на самом деле они друзья, и я не позволю им изменить это. Не из-за меня. Я должна быть той, кто держит их вместе. Я – Купидон, который исцеляет сердца. А не разбивает их еще сильнее.

– Подождите минутку, – останавливаю их я. – Давайте вернемся на минутку назад. Во-первых, кто сказал, что я ухожу от вас? Ничего подобного. Все это время я пыталась вас увидеть. До вас трудно добраться, понимаете? И я не хочу, чтобы ваша стая распалась. Я уже говорила вам об этом, помните? Ты не покинешь свою стаю, Эвэрт.

Он бросает на меня злой взгляд.

– Я могу делать все, что, блин, хочу.

Боги, как же он меня бесит. А еще он очень сексуальный, когда так смотрит.

Я прищуриваюсь.

– Прекрати. Вы нужны друг другу. Вы должны пройти от-

бор, а для этого вам нужно прикрывать друг друга. Но даже после этого вы должны остаться вместе. Я не собираюсь уходить, но, если вы распустите стаю, я больше не буду ни с кем из вас разговаривать. – Они смотрят на меня хмуро, но все-таки по-разному. – Это ясно? – спрашиваю я.

Эверт сжимает челюсть, но коротко кивает.

– Хорошо.

– А что насчет тебя? – зло спрашивает Эверт.

– Что насчет меня?

– Чесака. У тебя не может быть пары, – шипит он сквозь зубы.

– Он здесь, так что, очевидно, может.

– Мне плевать на него. Для меня важна только ты. Я тут с ума схожу, переживая за тебя. Ты должна была остаться с нами. Ты упала на наш остров, помнишь?

– Как я могла забыть, как Не-Первый подстрелил меня стрелой?

– Всю жизнь будет мне это припоминать, – бормочет Ронак себе под нос.

– Так ты и вправду серьезно настроена насчет всей этой фигни про пару? – спрашивает Эверт, глядя на Окота.

– Да. Он обнюхивает меня и называет возлюбленной, – говорю я. – Это очень мило.

– А как же, черт побери, мы?

Я хмурюсь. Я не ожидала такой реакции. Конечно, мы с Эвертом всегда флиртовали, но они ясно дали понять, что

я не могу быть для них чем-то большим. А я дала понять, что мне, Купидону, нужны и секс, и любовь.

– Насколько я знаю, вам, парни, нужно было найти генфинку, чтобы вернуть способности и связь стаи. Я обещала вам, что воспользуюсь своими навыками Купидона и помогу вам. И я остаюсь верна этому обещанию.

Хотя от этой мысли горько во рту. Они обмениваются взглядами, которых я не могу прочесть.

– Так что я никуда не уйду, – повторяю я. Не то чтобы я могла бы, но им этого знать не нужно.

– Вы все еще хотите этого? – тихо спрашиваю я. – Найти себе в пару генфинку?

Пожалуйста, скажите «нет». Пожалуйста, скажите, что вы хотите быть со мной.

Ронак резко кивает.

– Да.

Эверт бросает на него испепеляющий взгляд.

– Я сказал, что с меня хватит. К черту магию. У нас ее достаточно.

Ронак вздыхает, а Силред бормочет что-то, чего я не могу слышать.

– Но...

– Чесака, – перебивает меня Эверт. – Хватит. Мы поговорим об этом позже. Но ты сказала, что не собираешься оставлять нас, а значит, тебе не нужна чертова пара. Так что попрощайся с ним.

Я прищуриваюсь.

– Значит, вы можете найти себе пару, а я нет? Так не пойдет, эгоистичный ты дурак. Ты должен быть счастлив, что я встретила Окота. *Он* хочет меня.

– А что, если я скажу, что хочу тебя? – огрызается Эверт. Что ж. Этого я не ожидала.

Мой рот открывается и закрывается несколько раз, прежде чем мозг успевает осознать, что сейчас сказал Эверт.

– Ты хочешь меня? Для чего? – Я провоцирую его на откровенность, распаляясь все больше. – Перепихона? Может, я и предлагала это вначале, но сейчас я хочу большего. А ты не предлагаешь мне большего. Это решение – выбор стаи. А не только твой. И «стая» уже проголосовала против. – Как он смеет вести себя так, будто это моя вина? Как будто это я отвергла их, хотя мы все знаем, что все было наоборот. – Мы прояснили: ты не покинешь стаю. Так что, если вы, как стая, не предложите мне что-то большее, вопрос закрыт.

– Невероятно побериятно, – говорит Эверт, вскидывая руки. – Сил. Давай ты. Я не могу с ней больше разговаривать. Я делаю большой вдох.

– Слушай, я не хочу ссориться. Пожалуйста. Я просто хотела вас увидеть. Я переживаю за вас, парни.

– У нас все будет хорошо, Эмили, – уверяет меня Силред. Я так хочу прижаться к его груди... хочу, чтобы он обнял меня.

– Разве ты не можешь воспользоваться своими способно-

сти сверхсилы и вырваться отсюда? – спрашиваю я Ронака.

Он качает головой и стучит костяшками по прутьям камеры.

– Камеры пропитаны железом и магией. Ничьи силы здесь не работают.

Какое же гадство.

Окот вклинивается прежде, чем мы успеваем сказать что-то еще.

– У нас осталось мало времени.

От мысли, что придется покинуть их, мне так больно.

Взгляд Окота смягчается.

– Я постараюсь что-нибудь придумать. Ты увидишь их еще раз.

– Постараешься? – спрашиваю я плача.

Уф. Почему меня так легко довести до слез? Наверное, у меня суперспособность.

– Конечно. Это ведь те генфины, у которых в руках сердце моей пары. Я сделаю все, чтобы моя пара была счастлива.

Слова Окота производят на парней мгновенный эффект. Все трое напрягаются, и я чувствую, как их оценивающие взгляды обращаются ко мне. Думаю, они не ожидали услышать от незнакомца, как сильно мне дороги.

Я неловко прочищаю горло и меняю тему:

– Да, в общем... Я очень скучала по вас, парни, и мне очень нужно было вас увидеть, и...

– Ты так и не ответила на мой вопрос, – говорит Ронак,

дергая меня за рукав. – У тебя нет руки. Совсем как когда ты вернулась с острова Арахно. Скажи нам почему.

Взгляды Эверта и Силреда останавливаются на рукаве, за который все еще держится Ронак.

– О, это? – Я пожимаю плечами и фальшиво смеюсь. – Это... ммм... иногда случается.

Я не могу сказать им правду, особенно сейчас, когда у них полно других забот. Завтра на отборе у них должны быть ясные головы.

К тому же, я уже пообещала себе, что не буду заставлять их остаться со мной. Они, быть может, и не хотят, чтобы я оставила их, но это не значит, что они хотят взять меня парой. И я не могу их в этом винить.

Вместо того чтобы признаться, я быстро протягиваю другую, все еще телесную, через решетку.

– Мне просто нужно, чтобы вы все прикоснулись ко мне. Пожалуйста.

Ронак удерживает остальных на расстоянии вытянутой руки, а затем снова поворачивается ко мне.

– Скажи нам почему.

– С тобой всегда должно быть так трудно?

– Ты всегда должна так упрямитесь?

– Ты им не рассказала? – удивленно спрашивает Окот.

Генфины снова смотрят на меня, а я оглядываюсь через плечо на Окота.

У нас сейчас произойдет первая ссора? Подождите. Зву-

чит забавно. Обычные вещи меня заводят. После ссоры мы могли бы заняться горячим сексом. Или невероятным примирительным сексом. Звучит классно. Мне и то, и то, пожалуйста.

Вот только... ох, кого я обманываю? Я не могу заниматься сексом, пока генфины в тюрьме. Сначала они должны оказаться в безопасности. В целости и сохранности и живые, а потом я займусь сексом. Всеми его видами. Сексом, который будет длиться днями.

Из-за моего взгляда выражение лица Окота меняется.

– Что? – спрашивает он с невинным видом.

Я корчу рожицу за то, что он раскрыл мои секреты.

– Просто... не теряй головы.

Он хмурится.

– Я не знаю, что значит «*Не терять головы*». Сейчас почти лето. На улице жарко, голова кругом идет.

Я ухмыляюсь, едва сдерживая порыв сжать его большие щеки.

– Я совершенно не могу на тебя сердиться, когда ты говоришь такие очаровательные вещи.

Окот улыбается мне в ответ, но момент разрушен, потому что Эверт хлопает в ладоши.

– Эй! Перестаньте, – и обращается ко мне: – Чесака, скажи нам, что, блин, происходит. Где, черт возьми, твоя рука, и почему тебе нужно, чтобы мы коснулись тебя. А потом тащи свою задницу сюда и поцелуй меня, потому что я чертов-

ски соскучился по тебе.

Он практически рычит, но это не имеет значения, потому что *божесмойонхочетменяпоцеловать*. Я с трудом подавляю визг.

Прежде чем я успеваю ответить, мы слышим, как открывается дверь и страж кричит нам:

– Время вышло!

Воспользовавшись моментом, я быстро бью Эверта по руке, затем Силреда по груди, и шлепаю по руке Ронака, отчего тот удивленно отпускает мой рукав.

Боль в животе тут же исчезает, и пропавшая рука вновь обретает телесность. Я вздыхаю от облегчения.

– Фух. Так-то лучше. Спасибо богам.

Эверт с удивлением смотрит на мою вновь появившуюся конечность.

– Какого черта?

– Уходите! – кричит страж.

– Мне жаль, но мы должны уйти, возлюбленная моя, – говорит Окот, беря меня за руку.

– Подожди! – Я просовываю лицо сквозь прутья, целую в губы Эверта, потом Силреда и щеку Ронака.

– Будьте осторожны завтра. Не вздумайте покалечиться или чего хуже – умереть. Поняли?

Окот отстраняет меня, но я чувствую, что оставляю в камере три кусочка своего сердца.

– Вы должны победить, ясно? Защищайте друг друга! –

говорю я через плечо, пока Окот ведет меня прочь.

– Не беспокойся о нас, Эмили, – кричит Силред. – Будь осторожна.

– И ты, черт побери, присматривай за ней, ламашту. Если с ней что-нибудь случится, я не только горло тебе пере-режу, – добавляет Эверт.

У меня вырывается полусмех, полувсхлип, но, прежде чем я успеваю что-то сказать в ответ, Окот выводит меня через дверь, и страж закрывает ее за нами на засов. Окот передает ему что-то и кивает головой в знак благодарности, а затем выводит меня из амфитеатра.

Всю дорогу до нашего домика я бреду, оцепенев.

Когда мы оказываемся внутри, Окот усаживает меня на маленький диванчик, а затем идет на маленькую кухню. Он вкладывает в мои дрожащие руки чашку чая.

– Пей.

Я делаю, как он велит, но не чувствую вкуса. Горло жжет, но не так сильно, как наполненные слезами глаза.

Окот садится рядом и кладет огромную руку на мою спину, притягивая к себе. Он не говорит, не требует от меня ответов, хотя у камеры было много моментов, которые стоит обсудить.

Ему достаточно просто быть рядом, даря мне безмолвную заботу и покой. Я ценю это больше, чем он может себе представить. Возможно, мы еще не очень хорошо знаем друг друга, но этот момент, этот момент, который сейчас происходит,

говорит мне больше, чем тысячи слов.

Я допиваю чай и перестаю плакать, Окот поднимает меня и укладывает на маленькую кровать у стены. Он подтыкает одеяло и целует меня в лоб, едва заметно вдыхая мой запах.

– Спи, возлюбленная моя, – говорит он мне.

Именно так я и поступаю.

Глава 12

Как оказалось, если ты притворяешься менее благородным высшим фейри, который явился на Королевский отбор, то получаешь мешочек с подарками.

– О, боги, – пишу я, копаясь в бархатном мешочке, сидя на своем месте. – Окот, потрогай, – предлагаю я, показывая шелковую маску для сна, и тру ей об его щеку. – Такая мягкая.

Окот, будучи добродушным парнем-быком, позволяет мне развлекаться, сколько я захочу, потому что он знает: сегодня мне нужно отвлечься.

– О, что это? – спрашиваю я, доставая стеклянную штуквину, похожую на воронку.

– Монокуляр.

Я верчу его в руке, а затем подношу меньший конец к глазу.

Я задыхаюсь.

– Святое суперзрение! Я вижу все-все-все, – восклицаю я, направляя прибор на первый уровень арены.

Я веду линзой из стороны в сторону, пытаюсь найти что-нибудь – хоть что-нибудь, благодаря чему я пойму, каким будет первое испытание отбора, но внизу нет ничего, кроме твердого грунта.

Отложив монокуляр, я снова копаюсь в мешочке. Туда

положили бутылочку сказочного вина, маленькую подушку, на которую можно сесть, чтобы задница не болела от деревянного сиденья, и пакетик засахаренных орешков, которые я съедаю примерно за две с половиной секунды.

Я откидываюсь назад и изнываю от переживаний. Окоот одет в повседневную одежду, а не в доспехи. Он хорошо выглядит в черной рубашке с мелкими золотыми пуговицами. Его длинный ирокез уложен на правую сторону.

Мы сидим в конце ряда, примерно в середине амфитеатра. Здесь собралось, должно быть, не менее пяти тысяч фейри. Используя монокль, я осматриваю королевскую ложу. Она находится в самом центре арены, и с ее края свисает бело-золотой гобелен. Спереди стоят троны, хотя они все еще пусты.

– Ты когда-нибудь раньше присутствовал на отборе? – спрашиваю я Окоота.

– Один раз. Лет пятнадцать или двадцать назад.

Я слегка толкаю его локтем.

– И?

Я вижу, что он не хочет рассказывать, и я от беспокойства прикусываю нижнюю губу.

– Насколько все плохо?

Он тихо вздыхает.

– Отбор – сам по себе плохая вещь. Очень плохая. Он создан для того, чтобы ломать, калечить и убивать соперников во имя мнимого помилования. Испытания будут жестокими.

Ты должна быть к этому готова.

Я делаю глубокий вдох и киваю.

– Я рада, что ты здесь, со мной.

Его огромная рука накрывает мою.

– Ты моя пара, но еще ты находишься под моей защитой приказом принцессы. Я иду туда, куда идешь ты.

– Я без ума от этих штучек пары.

Звучит удар огромного гонга, и собравшаяся толпа умолкает. Я достаю монокль и поворачиваюсь в сторону королевской ложи. Король Белуар Сильверлэш сидит на центральном троне, а его сын, принц Эльфар, стоит рядом. Я вижу принцессу Суру, которая расположилась на меньшем троне рядом с пустующим местом принца.

Принц Эльфар поднимает руку с синим отливом, чтобы утихомирить фейри, собравшихся на стадионе. Я вижу блики тысяч моноклей, направленных на принца.

Принц Эльфар подносит руку к шее, и магия искрится на его горле. Его голос разносится над толпой, усиленный настолько, что его слышат абсолютно все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.